

Последний полёт «Фламинго»

Шматов Александр

Александр Шматов

Последний полёт «Фламинго»

«Автор»

2023

Шматов А. А.

Последний полёт «Фламинго» / А. А. Шматов — «Автор», 2023

Повесть о моряках рыболовного флота, посвятивших свою жизнь нелёгкому труду на морских судах вдали от родной земли. Описываемые события происходили в 1978-79 годах на борту рыболовного траулера «Фламинго», принадлежавшего Калининградскому управлению «Запрыбпромразведка». Рейс был необычный, судно чуть не утонуло в Бискайском заливе, попав в ситуацию, аналогичную катастрофе с РТМ «Тукан». Событие, случившееся в первые дни рейса, наложило отпечаток на весь его дальнейший период, а для меня, молодого тогда моряка, на всю жизнь.

© Шматов А. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Начало.	6
Глава 2. На переходе	18
Глава 3. Экватор	25
Глава 4. Пошёл трал	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Шматов

Последний полёт «Фламинго»

Предисловие

Эта повесть о моряках рыболовного флота, посвятивших свою жизнь нелёгкому труду на морских судах вдали от родной земли. Описываемые события происходили в 1978-79 годах на борту рыболовного траулера «Фламинго», принадлежавшего Калининградскому управлению «Запрыбпромразведка». Это судно типа «Тропик», которые в количестве 86 единиц были построены в ГДР в период с 1962-го по 1966 годы. Ещё из серии созвездий в Калининграде были «Тукан», «Цефей», «Козерог», «Кассиопея», «Сатурн» и другие, названия которых уже подзабылись. Почему для меня, отработавшего в море от мореходки до пенсии, из множества рейсов хорошо запомнился именно этот? Рейс был не обычный, – мы чуть не утонули в Бискайском заливе, попав в ситуацию, аналогичную катастрофе с РТМ «Тукан». Событие, случившееся в первые дни рейса, наложило отпечаток на весь его дальнейший период, а для меня, молодого тогда моряка, на всю жизнь.

Почти все имена, за небольшим исключением, в повести реальные. Все рассказы героев по ходу повести происходили на самом деле. В некоторых случаях они, по понятным причинам, сдвинуты по времени.

Глава 1. Начало.

От внезапной тишины все чувства спящего тела сразу обострились. «Зы-ы», – тихо звенело в голове, сквозь ватные уши. Внезапно тело обрело невесомость, а затем, наливаясь тяжестью, поползло по простыне куда то вниз, пока ноги не почувствовали под собой опору. «Качает, – констатировал очнувшийся Сашкин мозг, – хорошо заложило». Тело заскользило в сторону головы и приняло позу, несовместимую с продолжением сна. «Зы-ы», – продолжало звенеть в ушах. «Главные не работают», – сообразил мозг, – вибрации нет и непривычно тихо. «Зы-ы», отключилось. Тем временем, тело опять поползло вниз к ногам и навалилось на них всей тяжестью так, что Сашка присел, согнув колени. «Ого, кажется лагом лежим, качка бортовая». За переборкой что-то загрохотало, зазвенело, послышались громкие женские вопли. «У Докторши в каюте что-то упало, – на мгновение отвлёкся мозг и снова сосредоточился на главном – почему лагом, почему стоим, почему ...? Обесточились, наверняка!»

На этом вопросы закончились, и мозг принял решение. Послушное, молодое Сашкино тело соскочило с кровати и мгновенно, что-то набросив на себя, выскочило в коридор.

Всё это заняло не больше десяти секунд. «Мне надо срочно отключить гирокомпас, – думал на бегу окончательно проснувшийся Сашка, – иначе при подаче напряжения может перевернуться гиросфера, и тогда ей конец. – Так гласит инструкция при обесточивании судна». А пока он бежит по коридору, кренящемуся то в одну, то в другую сторону к шахте гирокомпаса, расскажем – что же произошло.

«Последний осенний денёк», – думал Сашка, стоя у заднего окна в битком набитой четвёрке, ползушей в порт. Редкие разноцветные листики, изо всех сил цепляющиеся за ветки

клёнов, радовали глаз. «А дубы ещё всю зелёные», – заметил он, заранее зная, что в рейсе будет тосковать по живому зелёному цвету.

«Фламинго» – так назывался его корабль, на котором предстояло жить и работать очередные полгода. «Есть такая птица, где-то в Африке», – размышлял Сашка. Он видел эту длинноногую розовую птицу по телевизору в любимой с детства передаче «Клуб кинопутешественников». А теперь он и сам, в некотором роде путешественник, идёт работать к берегам той самой Африки на рыболовном траулере с красивым названием «Фламинго».

Он считал себя уже довольно опытным мореманом, ведь это был его седьмой по счёту рейс. Давно исчезли признаки морской болезни, так донимавшей его в первых рейсах. Уже давно в отделе связи управления «Запрыбпромразведка» его считали хорошим специалистом, которому можно доверить серьёзную, ответственную работу, ведь у парня за плечами Высшая Мореходка, и увлечение радиолюбительством. В общем, Сашка чувствовал себя уверенно, считая, что море его призвание, а работа по выбранной профессии сплошное удовольствие.

Автобус тяжело встряхнуло на рельсах железнодорожного переезда. Подъезжали. За проходной в лицо пахнул свежий ветерок, несущий знакомый запах речной воды с примесью мазута. Рыбный порт привычно трудился, неустанно кивая жирафьими шеями башенных кранов. Резко посвистывали локомотивы, таская туда-сюда вагоны.

Судов в порту было много. Они стояли у причалов повсюду в два, а то и в три борта. Огромные плавбазы и транспортники, побитые ржавчиной, выдавшие виды БМРТ и РТМ, новенькие РТМС, ну и конечно множество посудин поменьше, типа СРТМ. Моряки поодиночке и группами шли вдоль пирсов, выискивая свои корабли по знакомым мачтам и надстройкам, часто спрашивая встречных: «Ребята, не видели, где стоит Турмалин или там Атлант?».

Сашка любил пройтись не спеша вдоль причалов, внимательно разглядывая корабли: «Вон, БМРТ «Изумруд», выгружает рыбу – батя ходил на нём в 68 году на банку Джорджес. А вон тот самый «Перламутр», который протаранил борт «Чернышевского», отец видел, как тот затонул. «Солнечный луч», тунцеловная база, – на ней сестра работает лаборантом. На той стороне «Кронштадтская слава», плавбаза, мой первый пароход, на нём матросом практику про-

ходил после третьего курса». Он знал по названиям практически все Калининградские суда. На многих из них работали его друзья, знакомые, однокашники из мореходки. Иногда удавалось повстречать кого-нибудь и перекинуться парой слов, а то и вовсе зайти в гости. Особенно его привлекала возможность заглянуть на ходовой мостик корабля и посмотреть новую технику для поиска и лова рыбы.

– Саша, привет! – его догнал высокий стройный мужчина с рыжей шевелюрой и широкой улыбкой на всё лицо. Хлопнув Сашку по плечу, он протянул свою ладонь.

– Здорово, Начальник! – обрадовался Сашка.

– Что, мечтаешь на супере сходить? – Женя поймал его завистливый взгляд. Они как раз проходили мимо новенького РТМС, вызывающе элегантно красовавшегося у причала.

– Обязательно схожу. Вот слетаем к Африке на «Фламинго», и сразу на супера.

Сашка знал Женю, которого привык называть «Начальником», давно, ещё с первого своего рейса в «Запрыбпромразведке» на РТМ «Эврика», куда его послали сразу после мореходки стажёром. Женя работал начальником радиостанции. Сашка заметил, что на кораблях есть должности, по названиям которых к занимающим их людям обращаются чаще чем по имени. Взять к примеру боцмана – он на судне один. Можно полрейса с ним общаться, а потом вдруг обнаружить, что он ещё и Алексей, или там Иван. Вот и начальник радиостанции – единственный на судне «Начальник», поэтому его зачастую так и кличут, не боясь с кем-нибудь перепутать. После «Эврики» были ещё два рейса с Женей на НПС «Аргус», когда изучали море совместно с американцами. Словом, несмотря на то, что Начальник был на восемь лет старше, они подружились.

– Хватит глазеть, – поторопил его Начальник, – на отходное собрание опоздаем.

– Мы-то успеем, – Сашка засеменил ногами, едва поспевая за рослым другом, – а начальство наверняка опоздает, точнее задержится. Расскажи лучше про капитана, ты с ним ходил?

– Нет, не ходил, но на ремонте стоял и от ребят наслышан – хороший кеп, специалистов ценит, ловить умеет. Есть у него интересная привычка – вставлять во время разговора эдакое матерное словечко – «едрить-ага». И чем больше он волнуется или увлекается, тем чаще его вставляет. Вот посмотришь, на собрании ребята будут считать, сколько раз он это скажет. Его за глаза все так и зовут «Едрить-ага», любя конечно.

– Что, и при большом начальстве будет материться, – засомневался Сашка.

– Вот сейчас и посмотрим, – улыбнулся своей широкой улыбкой Женя, – давай не отставай.

Рейс начался обыденно, без особых эксцессов. На отходном собрании капитан 12 раз употребил своё знаменитое «едрить-ага», и «Фламинго», выпихнутый портовыми буксирами на «чистую» воду морского канала, полетел в тёплые южные края.

Хмурое балтийское утро первого зимнего дня Сашка благополучно проспал. Не потому, что традиционно допоздна отмечал с Начальником отход, а по уже давно выработанной профессиональной привычке поздно ложиться спать. Рыба в море, как известно, хорошо ловится в тёмное время суток, и он считал своё присутствие при этом процессе необходимым. Во-первых, он следил за своими приборами и вовремя исправлял поломки; во-вторых, ему, с детских лет рыбаку-любителю, нравилось участвовать в процессе поиска и лова рыбы. Словом, жертвовать завтраком в пользу сна он мог без всякого сожаления. Но вот обед Сашка никогда не пропускал. Обед на судне – это не только поесть. Обед – ещё и некий важный ритуал. Каждый старается на обеде выглядеть посвежее, ведь по лицу так легко определить, например, чем ты там занимался ночью. За обедом узнаются новые сплетни. Если кто-то не пришёл в положенное время на обед, это уже чуть ли не ЧП. Может человек приболел, а может, перепил, а может, ... в общем, народ не успокоится, пока всё не выяснит.

Пообедав, Сашка по обыкновению зашёл в радиорубку. Женя сидел в наушниках и что-то печатал на машинке. «Калининград заморозило, – сообщил он ему шокирующую новость,

улучив момент в процессе радиообмена, – до минус 25. В домах батареи рвёт, трубы лопаются, катастрофа!

«Вовремя мы смотались, а то бы приморозило нашу теплолюбивую птичку к пирсу», – подумал Сашка, присаживаясь на диванчик.

– Как там твои, в скворечнике, не замёрзнут? – Женя снял наушники и повернулся к Сашке. Он знал, что друг с женой и трёхлетней дочкой живёт в мансарде старого немецкого дома, на третьем этаже, в небольшой, плохо отапливаемой комнатухе.

– А скворечник пуст, – улыбнулся Сашка, – жена с дочкой перебрались к родителям. У них однушка в новой десятиэтажке, за «Детским Миром», там тепло. Я на мостик, проверю локаторы, скоро проливы. Он встал с диванчика и направился к двери.

– Давай, – бросил ему в след Начальник.

«Опять море, – думал Сашка, стоя в углу ходового мостика, упёршись лбом в стекло, – ночью войдём в Датские проливы». Рыбаки не ходили Зундом, хотя через него путь короче. Там нужен лоцман, а это лишний расход валюты. Учитывая, что топливо было дешёвым, шли проливом Большой Бельт без лоцмана. «Скоро серая вода Балтики сменится на бирюзовую Северного моря, – продолжал размышлять Сашка, – ещё денёк и войдём в Кале, а затем в Ламанш. А потом берег надолго исчезнет из виду и будет вокруг лишь бесконечный Атлантический океан».

Всё это для него потеряло остроту новизны, которая была в первых рейсах. Впрочем, как и раньше, он любил разглядывать разные корабли, попадавшие на пути. Особенно ему нравились парусники.

На шестой день пути вышли в Бискайский залив, который, по сути, является открытым океаном. Погода была обыкновенной, слегка дуло, слегка качало, солнце то появлялось, то пряталось за облака. Но в плавном покачивании корабля уже чувствовалось не с чем ни сравнимое мощное дыхание океана.

Днём приняли прогноз погоды. Ничего необычного, что могло бы повлиять на решение двигаться намеченным курсом, на карте погоды не было. Правда, был подозрительный циклончик северо-восточнее Азорских островов, но в это время года такие циклоны возникают один за другим и никого особо не пугают. По крайней мере, капитан, посмотрев на карту и прикинув что-то в уме, заключил: «Проскочим, едрить-ага!» – ещё не подозревая какой сюрприз готовит ему этот, казалось бы обычный циклон. А сюрприз заключался в том, что циклон, быстро набирая силу, стремительно двигался не по обычной траектории на северо-восток, а южнее, прямо в Бискайский залив, где и настиг «Фламинго».

Добравшись по полутёмному кораблю до шахты гирокомпаса, благо аварийный свет работал, и сделав там всё необходимое, Сашка отправился в радиорубку. Пока он шёл наверх, судно несколько раз накренилось так, что идти приходилось чуть ли не по переборкам. В радиорубке царил хаос. Всё, что могло упасть, упало и теперь носилось по палубе. Стоявшая в углу большая картонная коробка, с полученными на берегу запчастями, опрокинулась, и её содержимое металось от борта к борту. Вдруг раздался сильный хлопок. Сашка сразу сообразил, что это разбилась лампа для кинопроектора, их в коробке было двадцать штук, и сейчас они катались по полу. Ещё хлопок: «Надо спасать лампы, а то без кино останемся», – мелькнуло в голове. Сашка подобрал коробку, присел на диван и стал ловить подкатывающиеся лампы, укладывая их на место. Он успел собрать штук пять-шесть, но тут судно не просто накренилось, а получив удар волны, вздрогнуло и провалилось куда то вниз. Сашка почувствовал, что диван отделился от его зада, а сам он мгновенно оказался в невесомости. При этом он инстинктивно выпрямился, оторвав взгляд от коробки на полу, и вцепился руками в край дивана. В этот момент он увидел, как справа в его сторону по воздуху летит огромный факсимильный аппарат – железяка, килограмм на пятьдесят. Прибор выскочил из гнезда своей подставки, пролетел всю радиорубку, ударился о кожух кондиционера, расположенного под окном, и рухнул на картонную коробку у Сашкиных ног. Раздался звук, похожий на взрыв гранаты. «Хорошо, что не все лампы успел собрать», – только и подумал он, ещё не сознавая, что был на волосок от беды, не подними он вовремя голову.

– Что тут грохнуло? – в радиорубку ворвался заспанный Начальник, его каюта была рядом за переборкой. Побледневший Сашка сидел на диване, поджав ноги.

– Проекционки фтаком придавило. Вылетел из гнезда. Еле голову успел убрать, а то бы ты подумал, что это мой мозг взорвался, – коряво пошутил Сашка.

Подловив подходящий момент, они оттащили тяжеленный факсимильный аппарат к его месту и, не поднимая, запихнули под стойку, закрепив его там кусками верёвок. Затем быстро собрали с пола всё, что валялось и закрепили всё, что ещё могло упасть. Только после этого у Сашки появилось время задуматься: «А что происходит?» С этим он и обратился к более опытному другу.

– Я говорил капитану, что этот циклон может нас зацепить, – Женя прикурил сигарету, – вот он, кажется, и зацепил по полной программе.

– А почему обесточились, почему двигателя молчат, у нас же их два?

– Не знаю, видимо, что-то случилось, судно потеряло управление, лагом развернуло, потому и валяет сильно.

В этот момент послышался характерный звук запуска главного двигателя, судно слегка вздрогнуло, включился основной свет.

– Ну вот, сейчас носом к волне встанем, и всё наладится, качать поменьше будет. Не дрейфь, Сашок, прорвёмся, – ободряюще бросил всё ещё полу-растерянному другу Начальник, устраиваясь на рабочем месте у радиоприёмника.

– Послушаем, что в эфире творится, – Женя включил приёмник и настроился на аварийную частоту 500 килогерц. Эфир молчал. Через несколько минут главный двигатель снова остановился. Большой свет погас, остался только тусклый аварийный. Дверь в радиорубку отворилась, и на пороге появился капитан.

– Эй, маркони, едрить-ага, можно я у вас телогрейку одолжу? – Слева от двери на переборке висели три, по количеству членов радиослужбы, новеньких, только со склада, телогрейки и шапки. В последний момент радиооператора с рейса сняли, а вещи остались.

– Геннадий Семёныч, что случилось, почему заглохли? – попытался Сашка прояснить ситуацию.

– Потом, едрить-ага, потом ребята, я на корму, – капитан торопливо нахлобучил шапку, и прихватив телогрейку, исчез, захлопнув за собой дверь.

– Пойдём и мы посмотрим, что там, на корме. – Женя снял вторую телогрейку с крючка и вышел в коридор. Сашка снял третью и поспешил за ним.

Судно снова теряло управление и разворачивалось к волне бортом. Цепляясь руками за леера, они пробрались на кормовой мостик. С площадки мостика было хорошо видно, что корма судна заметно просела, а крышка слипа, защищавшей её от захлёстывания волной, на месте не было. Промысловая палуба у «Тропиков» находится относительно низко, по сравнению с другими траулерами. Таковы конструктивные особенности. Теперь же, когда осадка судна увеличилась, она вообще оказалась практически на уровне воды, а отсутствующая крышка слипа открыла доступ волне, которая свободно гуляла по всей палубе. Внизу суетились матросы-добытчики во главе с тралмастером. Две траловые доски, почему-то плашмя лежали посредине палубы, а ребята пытались закрепить их на месте с помощью тросов. Вот со стороны кормы нахлынула большая волна и, не встречая сопротивления, покатила по палубе. «Где же крышка слипа, – мелькнуло у Сашки в голове, – неужели оторвало, если так, то придётся возвращаться домой». Ребята, спасаясь от воды, дружно перепрыгнули за полубортики, ограждающие с двух сторон промысловую палубу. Вода подбросила тяжёлые стальные траловые доски, и если бы их не удерживали уже заведённые тросы, неминуемо бы унесла с собою. Погуляв по палубе, вода покатила назад к корме, и тут Сашка увидел, как взлетела крышка слипа, преграждая путь воде: «Не оторвалась, держится на нижних петлях, – заметил он, – как клапан работает, не даёт воде свободно уходить». Тем временем ребята снова выскочили на палубу и продолжили своё дело.

– Смотри, Женя, Едрить-ага идёт, – узнал он капитана в полутемноте по новеньким телогрейке и шапке. Тот вышел на палубу к ребятам и, размахивая руками, что-то им кричал.

Капитан стоял спиной к корме и не видел, как налетела очередная волна. Ушлые добытчики привычно перескочили за полубортики, а замешкавшегося капитана вода как щепку подхватила и понесла в сторону траловой лебёдки. Она находилась в начале промысловой палубы под кормовым мостиком, поэтому Сашка не видел, что там происходит. Было видно только как ребята, выбрав нужный момент, ринулись спасать капитана. Сашка, вцепившись в поручни,

изо всех сил старался разглядеть в уходящей с палубы воде что-нибудь похожее на человеческое тело, но так ничего и не разглядел.

– Я в радиорубку, – Женя решительно развернулся и ушёл в темноту.

«Почему не объявляют общесудовую тревогу, паники бояться, или ещё рано?» – Вопросов у Сашки было много, а спросить некого. К тому же, пока не объявлена тревога, он толком не знал, что ему в такой обстановке нужно делать. «Если по тревоге, то тут всё понятно, – думал он, – всё прописано в «Расписаниях по судовым тревогам» – задрай, что положено, и дуй на мостик в распоряжение начальства. А тут? Видно же, что аварийная ситуация, слип слетел со стопоров, волна по палубе свободно гуляет, воды хапнули изрядно, и что?»

Понаблюдав ещё немного, как приходит и уходит волна, хлопая крышкой слипа, Сашка пошёл следом за Женей в радиорубку. Он застал Начальника за проверкой аварийного передатчика.

– Саша ты? – не оборачиваясь бросил тот, настраивая согласование передатчика с антенной, – возьми фонарик, пойдём, проверим аккумуляторы.

Шкаф с аварийными аккумуляторами находился снаружи на палубе мостика по левому борту прямо за переборкой радиорубки. Они вышли наружу. Ветер, дующий в правый борт, на левом борту был слабее – защищала надстройка. И вообще, Сашка видал шторма посильнее, когда свистят все снасти, а свистят они при ветре свыше 20 метров в секунду. Он светанул лучом фонарика по воде.

– Женя, смотри как вода близко! – скорее удивлённый, чем испуганный, закричал Сашка. Тонущее судно в очередной раз накренилось на левый борт, и вода оказалась совсем рядом.

– Давай сюда свети, – приказным тоном прикрикнул Начальник, – нечего по сторонам глазеть.

Женя с трудом открыл дверцу герметичного шкафа. Аккумуляторы были в порядке.

– Всё, пошли назад, – тщательно задраивая дверцу, крикнул Женя, не давая Сашке времени предаваться тревожным размышлениям.

Они вернулись в радиорубку. Рядом с входной дверью, на гвоздике, висел ключ. Это было удобно, заходя в радиорубку, отворив дверь ключом, сразу повесить его на гвоздик, чтобы потом не искать. Женя молча снял ключ с гвоздика и положил его себе в карман. Сашка онемел от неожиданности. Внутри у него всё похолодело. Если до этого момента всё происходящее для него было как бы очередным приключением, то после того, как Женя положил ключ от радиорубки в карман штанов, Сашка напрочь лишился всякого романтизма, поняв, что это уже серьёзно. Точно такой же ключ он видел висящим на гвоздике у Жени дома. Это был ключ от радиорубки РТМ «Залесье», пять лет назад утонувшего от столкновения с большим сухогрузом в этом же Бискайском заливе. Тогда обошлось без жертв. Сухогруз в тумане врезался в борт траулера. Сам он почти не пострадал, и принял наших моряков к себе на борт, а вот траулер вскоре пошёл на дно.

– Женя, мы тонем? – Сашка вопросительно посмотрел на своего более опытного друга.

– Не знаю, возможно. Ты помнишь историю с «Туканом»? Там тоже во время шторма крышку слипа сорвало волной.

Сашка знал про РТМ «Тукан». Ещё бы! Он жил на Проспекте Мира напротив старого городского кладбища. Памятник погибшим морякам был виден из окна его дома. А ещё он хорошо помнил, что спаслись тогда те моряки, которые были на спасательных плотках.

– Пойду на мостик, надо координаты уточнить, Женя вышел из радиорубки.

– А я в каюту сбегая, – Сашка решил на всякий случай подготовиться, надеть что-нибудь по теплее, документы прихватить, может ещё что-нибудь важное.

Он шёл к своей каюте, расположенной на палубе надстройки, первой от носа по левому борту, когда вдруг услышал необычный шум. Рядом был вход в рыбцех. Сашка приоткрыл дверь и заглянул внутрь. По рыбцеху гуляла вода. В ней попеременно с разным хламом плавали куски обшивки и теплоизоляции, оторванные водой от переборок. Воды было много. Сашка закрыл дверь. Увиденная картина не предвещала ничего хорошего. «Вода уже гуляет на главной палубе в рыбцеху, а никого из людей не видно. Наверное, есть дела поважнее», – подумал Сашка, продолжая путь. Он жил в двухместной каюте один, так как в рейс они ушли без радиоператора. В конторе посчитали, что при дефиците кадров без второго радиста в этом рейсе можно обойтись. Документы, тёплый свитер и спасательный жилет – вот и всё, что он посчитал нужным взять с собой. Бросив прощальный взгляд на свою неразлучную гитару, ёрзавшую на верхней койке, Сашка вышел в коридор. Что-то тёмное прошмыгнуло у самых ног. «Крыса! – понял он, – вон впереди ещё одна. Засуетились. Интересно, куда это они бегут?»

В радиорубке он застал начальника, сидящим в наушниках у приёмника и что-то записывающим в журнал. Закончив писать, тот сдвинул наушники с ушей и сказал: «Вот так вот, Саша, пока тебя не было, три SOS-а принял. Лесовоз недалеко от нас тонет, яхта в ста милях, и ещё одно судно, оно совсем далеко. Ближайшая помощь миль за 600 от нас в английском порту».

– А нам не пора просить помощи, Женя, я заглянул в рыбцех, там полно воды.

– Это, Саша, только по приказу капитана.

– А он жив вообще, может его уже за борт смыло?

– Да жив, всё в порядке, его под траловую лебёдку волной замыло, ребята вытащили, в каюту отнесли, на диване отлёживается, кажется, рёбра сломаны. Ты свои документы... – Начальник, услышав морзянку в эфире, тут же, поправив наушники, принялся что-то записывать.

– Спасательный буксир, английский, на помощь вышел, только ему до лесовоза двое суток пилить, – он снял наушники.

– А мы? Что дальше, Женя, почему тревогу не объявляют? – Сашка пристально смотрел другу в глаза.

В это время снова заработал один из главных двигателей. Судно вздрогнуло, появился яркий свет.

– Наверное, не всё так плохо, как нам с тобой кажется, – улыбнулся Женя, – впрочем, не будем расслабляться, давай сходим, посмотрим, какой плотик выбрать на случай непредвиденного путешествия по океану.

Сашка молчал, не зная шутит Начальник, или нет, но видя, как тот надевает телогрейку, быстренько оделся и пошёл следом.

Они вышли наружу. Судно уже встало носом на волну. Огромные валы волн прокатывались по обоим бортам, достигая своими гребнями высоты мостика. Чувствовалось, что «Фламинго» сидит в воде гораздо глубже обычного. По вертикальному трапу друзья взобрались на палубу мостика – там находились спасательные плоты. Рядом с плотами кучкой стояли женщины. Все пятеро, в спасательных жилетах, с сумками, чемоданами, растерянные, они тут же набросились на ребят:

– Наконец то, хоть какие мужики появились! Где капитан? Почему нас никто не спасает? Начальник, вызывай вертолёт, мы же тонем...!

– Девочки, успокойтесь, капитан на месте, всё под контролем, не стойте тут, идите по каютам, – Женя как мог, пытался образумить перепуганных, взвинченных до предела женщин. Куда там, вопросы и ругань в сторону мужиков сыпались беспрестанно.

– Сами прибежали спасаться к плотам, – продолжали шуметь женщины.

– С чего вы взяли, мы тут по делу, видите – мы даже без жилетов. – Женя принялся деловито разглядывать антенны.

Они обошли весь мостик, тщательно осмотрев антенное хозяйство и, с важным видом пройдя мимо притихших женщин, спустились вниз по трапу в кормовой части палубы мостика.

– Ты видел, Саша, наши дамочки всё своё золото на себя навесили, – уже в радиорубке, снимая телогрейку, заметил Женя.

– Видел, как же, а ещё все как одна в красных штанах и с накрашенными губами – добавил Сашка свои штрихи к увиденному на верхнем мостике.

– Их можно понять, у всех в голове история с «Туканом». Мы, наверное, первые мужчины, которые хоть как-то попытались их успокоить. Другим, похоже, сейчас не до женщин. А ты смотри, «главный» уже полчаса работает, не глохнет, и качать стало меньше, – Женя присел к столу и добавил громкости радиоприёмника. Эфир молчал.

– Может карту взять с собой в плотик, если будем тонуть? – что бы как-то разрядить образовавшуюся тишину заговорил Сашка, – у меня атлас в каюте есть.

– Тебе, похоже, лавры Тура Хейердала не дают покоя, – усмехнулся Женя, тоже мне, путешественник. Он пафосно продекламировал: «Александр Шматов на спасательном плоту пересёк Атлантический Океан, питаюсь по пути летучими рыбами и дождевой водой».

– А что тогда взять? – не унимался Сашка.

– Возьми молоток, – расхохотался Женя, окончательно разряжая тягостную обстановку.

Сашка, как и все моряки, знал из популярного анекдота, зачем в спасательном плоту нужен молоток, поэтому он расхохотался вслед за начальником.

Они ещё долго сидели с Женей в радиорубке, болтая о том и о сём, слушая эфир, поочерёдно заглядывая на ходовой мостик, чтобы проведать обстановку. Сменивший второго помощника старпом сказал, что слип установили на место, закрепив его враздрай тросами. Сейчас откачивают воду из рыбцеа.

Уже под утро, когда начал заниматься рассвет и стало очевидным, что шторм успокаивается, чувство тревоги ушло, куда-то далеко на задний план, уступив место усталости от бессонной ночи.

– Иди, поспи, – после очередного Сашкиного зевка, предложил Женя, – а то ты и меня в сон вгоняешь, а у меня скоро вахта.

– Завтрака дождусь, а потом посплю, – отрезал Сашка.

В дверь постучали.

– Ребята, к вам можно, – на пороге появился механик-наладчик Жора Дибров, с кружкой кофе в руках. Он прошёл в радиорубку, присел рядом с Сашкой на диван и отхлебнул из кружки. Аромат крепко заваренного кофе пополз по радиорубке.

– У капитана заварил, всю ночь к нему бегал взбодриться. Хотите? – он протянул кружку. Сашка с Женей сделали по глотку.

– Как он там, – полюбопытствовал Сашка.

– Задремал на диване, я потому и ушёл от него, чтобы не беспокоить.

Жора был одним из немногих в экипаже «Фламинго», с кем Сашка ходил раньше в море. Кроме него и начальника радиостанции Сашка знал ещё старпома, Игоря Арясова, с ним он был этой осенью в колхозе на картошке, куда их, сидящих в резерве, контора отправила на неделю помогать труженикам села в уборке урожая. От старпома, заступившего на вахту в 4 утра, Сашка узнал некоторые подробности происходящего на судне. Он знал, что Жора вместе с боцманом и рыбмастером занимаются откачкой воды из затопленных помещений.

– Как у нас дела, рассказывай Жора, воду успеваем откачивать? – полюбопытствовал Сашка. По спокойному, деловому виду приятеля было ясно, что самое плохое уже позади.

– Вот что я вам скажу, друзья, – Жора сел поудобнее и начал свой рассказ.

– Повезло нам, что все трезвые сегодня, всё-таки шестой день как из дома.

– Седьмой уже пошёл, – заметил Сашка,

– Погоди, не перебивай, – отмахнулся Жора. – Думаете, «Тукан» почему утонул? Да потому, что попал в переделку на второй день после выхода. Соображаете, в каком все были состоянии, – он сделал большой глоток и продолжил, – хотя и у нас тоже разгильдяйства хватает. С чего всё заварилось? На заводе ремонтники горловину румпельного отделения открывали, крышку назад поставили, а болты не затянули, только наживили, а мы не проконтролировали. Когда волна стала забрызгивать корму, вода через щель в крышке потекла в румпельное. Опять же, на ремонте, топливную цистерну положено промывать, а её не промыли, третий механик прошляпил. А там с прошлого рейса песочек сахарский скопился. Мы же рядом с Марокко тогда работали. Как качать начало, так он со дна поднялся и забил форсунки на двигателях, те и заглохли.

– Постой, Жора, – вмешался начальник, – там же между топливными танками и расходной цистерной фильтры стоят, откуда песок взялся?

– Я же говорю, сахарский песочек, он такой мелкий, что через фильтры проходит. Не зря же по регламенту положено промывать цистерну при ремонте. Вот и пришлось нашим механикам, когда заглохли двигатели, слить топливо из цистерны, промыть её и снова через фильтры заполнить. А ещё, поменять все забившиеся песком форсунки. Пахали всей машинной командой в авральном режиме.

– С машиной понятно, – резюмировал Женя, – а что с водой, почему рыбцех затопило?

– Тут дальше всё к одному, – продолжил Жора, прикуривая предложенную начальником сигарету. – Едрить-ага, конечно, не ожидал такого подвоха от «главных» и, узнав про течь, распорядился затянуть болты на крышке горловины румпельного отделения. А крышка расположена на корме у самого слипа. После случая с «Туканом» есть указание для всех «Тропиков» на переходе и во время шторма верхнюю часть слипа – откидную крышку, дополнительно закреплять. У нас крышка была подпёрта изнутри траловыми досками, в качестве упора, и притянута к ним тросом. Ребята, добытчики, доски и трос убрали, болты затянули, а назад всё вернуть не успели. Я в это время со стармехом в мукомолке был, мы прикидывали, как откачать воду из румпельного отделения. Тут как раз и заглохли оба «главных». Стармех сразу в машинное

отделение побежал. Я задержался на минуту и тут, смотрю, Пашка-мукомол залетает, глаза навывкате, орёт во всё горло: «Слип оторвало!» Я ему говорю, не ори, скажи – что видел, а он снова орёт: «Оторвало слип совсем на хрен, нет его, тонем!» Тут как раз слышу, за спиной вода зашумела. Обернулся, смотрю, а внизу мукомолки вода начинает палубу заливать. Пашка, как эту воду увидел, так совсем обезумел, рванул наружу, больше я его сегодня не встречал.

– Я, кажется, встречал, – вмешался Сашка, – на верхнем мостике у плотов вместе с женщинами. Помнишь, Женя, когда мы уходили с мостика мужик в жилете навстречу попался.

– Слетел с катушек, видимо совсем, да Бог с ним, – продолжил Жора. – Однако, ситуация аховая, надо разбираться откуда вода поступает. Я на палубу, огляделся, смотрю, крышку слипа действительно с верхних стопоров сорвало, и она на нижних петлях упала на своё рабочее место. Надо же, думаю, как совпало, только убрали подпорки и тут же получили по заднице.

– Если бы двигатели не заглохли, – сказал Сашка, – ничего бы не случилось.

– Да погоди, – отмахнулся Жора, – таких «если» слишком много получается. Мне надо было разобраться откуда в мукомолку вода поступает. И тут я заметил, что оторвало, видимо волной, кожух приточной вентиляции, как раз над мукомолкой. Дырища вот такая, – Жора сделал перед собой руки кольцом. – Вот откуда она идёт, только и успел подумать, как тут же меня шибануло и понесло. Волна через проём в корме залетела и меня к траловой лебёдке прибила. Когда вставал, нога между железак в фундаменте застряла. Дёргаю, а она не вытаскивается. Тут корма снова вниз пошла, прямо проваливается на глазах. Ну, думаю всё, сейчас мне следующей волной ногу оторвёт. В последний момент как-то изловчился, выдернул. – Жора сделал глубокую затяжку, как бы снова переживая тот момент, затем стряхнул пепел в банку из-под сгущёнки, которую протянул ему тоже куривший Женя, и, допив до конца кофе, продолжил.

– Позвонил капитану, доложил ситуацию, а сам в каюту переодеваться. Мокрый же весь насквозь.

– Похоже, после твоего, Жора, звонка капитан к нам за телогрейкой зашёл, – сказал Начальник, – соображаешь, Сашка?

– Ну да, мы тогда тоже ходили с Женей посмотреть, что там, на корме твориться – начал было Сашка, – видели, как капитана смыло волной, как слип на нижних петлях болтается.

– Погоди, – перебил его Начальник, – так почему тонуть начали, Жора?

– Всё просто, ребята, опять наша безалаберность. Я ещё переодеться не успел, как Сашка Пальцев, рыбмастер, в каюту забегает: «Жора, вода в рыбцеху!». А вот это уже совсем нехорошо, думаю, если ещё и рыбцех затопит, совсем беда. Мы с Пальцем рванули в рыбцех. Кстати, по пути капитана встретили, ребята его в каюту вели, мокрого с ног до головы. Заходим в цех, а там, видим, уже воды по колено, и она по цеху гуляет, рвет обшивку с переборок, столы разделочные ломает. И знаете, откуда она бежит, – Жора затянулся сигаретой, делая интригующую паузу, и, насладившись полной концентрацией внимания со стороны друзей, выпалил, – из рыбных бункеров, зараза. Палубные люки, через которые рыбу в бункера подают, оказались не задраены по-походному. А воды то на палубе, вы сами видели сколько. И сами рыбные бункера в цеху открыты были. Так что вода, можно сказать, беспрепятственно не только в бункера, но и в цех попадала. А налило её уже столько, что маленький тридцатый танк, куда она через шпигаты стекает, заполнился, и теперь ей стекать больше некуда.

– А насосы? – вмешался Женя, – Там же насосы должны автоматически из танка воду откачивать.

– Вот именно, должны, их там два. У них есть поплавки, которые толкают штоки к концевикам, включающим насосы, а коробки концевиков находятся в мукомолке, она как раз над тридцатым танком.

– А мукомолку уже затопило, – проявил сообразительность Сашка, – вместе с коробками автоматики.

– Вот именно!

– И что вы сделали?

– Для начала, ребята-добытчики задраили палубные люки бункеров, благо там прокладки все новые с ремонта. Вода больше в цех не поступала. Заделали брезентом дыру над мукомолкой, где кожух вентиляции оторвало. Тем временем электромеханик попробовал запустить насосы в 30-м танке в обход концевиков, не получилось. Тогда подтащили к рыбцеху и мукомолке переносные эжекторные насосы, у нас их пять штук на судне. Установили, попробовали качать, а вода не убывает. Как потом выяснилось, в затопленной мукомолке повреждён пожарный гидрант. Когда запускали пожарку, там из гидранта шла вода и через 30-й танк, как по сообщающимся сосудам, через шпигаты поступала в рыбцех. Словом, от эжекторов отказались, не эффективно, только время потеряли. Придумали ещё вариант. Под 30-м танком находится помещение линии гребного вала, а там тоже есть насос для откачки воды. Между танком и этим помещением имеется герметично задраенная горловина. Решили попробовать осторожно, не подтапливая сильно линию вала спустить из танка воду и откачать. Я туда пробрался, отдал слегка крышку на горловине, и дело пошло. Я регулирую поток воды, насос её откачивает. Так постепенно всю воду из рыбцеха и убрали.

– А мукомолка, – спросил Сашка, ты же говорил, она тоже в 30 танк воду сливает.

– Правильно, только когда вода в мукомолке стала уходить, там напрочь забились мусором шпигаты и вода осталась. Но это последняя вода, и её не так много, чтобы я не мог позволить себе попить с вами кофейку, и даже может часик поспать. Во как-то так, вопросы есть – вопросов нет, я пошёл спасибо за сигарету, – Жора встал с дивана и направился к выходу.

– Тебе спасибо, что прояснил ситуацию, – бросил ему вслед Женя.

Рассвело. Сашка стоял на слегка дрожащей на полном ходу корме и смотрел на убегающую к горизонту светлую кильватерную струю. Оставшаяся после ночного шторма крупная зыбь, плавно переваливала «Фламинго» с борта на борт. В пропитанном солью воздухе уже чувствовалось тепло приближающихся тропиков. Он ещё раз осмотрел слип: «Вот как они её пристроили, простенько и со вкусом, молодцы». Изрядно покорёженная крышка слипа была зафиксирована в вертикальном положении. С одной стороны, два троса, пропущенные через ваерные блоки и тянули её к корме, а к носу крышку тянул третий трос.

Несколько чаек, как обычно, преследовали судно, поочерёдно пикируя в воду за лёгкой добычей. Наблюдая за птицами, хватающими оглушённую винтами рыбу, Сашка снова переживал события этой ночи. «Какая-то из них могла бы стать пристанищем моей души, если бы...» Почему-то, вдруг очень сильно захотелось прижать к себе жену и дочку, попросить прощения у мамы, поговорить, наконец, по-взрослому с отцом о смысле жизни. Он ещё не понимал, что где-то, на подсознательном уровне, этой ночью его душа навсегда распростилась с беспечной юностью, приняв на себя ту меру ответственности, которая отличает юношу от мужчины.

Глава 2. На переходе

Сашка третий день не вылезал из шахты гидролокатора. Дело в том, что дома на ремонте руководство задумало обновить на судне гидроакустическую технику. Вместо старых немецких эхолотов НАГ-ов, было решено установить отечественные «Палтус» и «Кальмар». Причём, это был не обычный вариант, когда эхолот «Палтус» и гидролокатор «Кальмар» – самостоятельные приборы, установленные порознь. На сей раз, их самописцы были объединены в некий конгломерат, представленный в виде ящика-стойки с общим пультом управления. Такого симбиоза, довольно старых, хотя и надёжных отечественных поисковых приборов, Сашка нигде ещё не видел. Впрочем, стойка была довольно удобна, так как установлена она была на ходовом мостике, и вся информация на самописцах была в поле зрения одновременно. Беда была в том, что эта инновация в ожидании применения простояла восемь месяцев на берегу под открытым небом в простых деревянных ящиках, о чём Сашку предупредили заранее. Перед самым отходом на судно заявился Миша Харлап, пожалуй, самый опытный гидроакустик в конторе, работавший ремонтником на плавучей мастерской, и вручил Сашке связку свежеперемотанных трансформаторов.

– Зачем, Миша, в ЗИП-е имеется два комплекта запасных трансов, – недоумевал Сашка?

– Бери, не спрашивай, – буркнул ему Харлап, – ещё спасибо скажешь. Гоняй эхолоты побольше на переходе, пускай все бяки заранее повылезут, до промысла.

И Сашка гонял! По несколько часов каждый день. Через две недели почти все трансформаторы в эхолотах пришлось поменять. Отсыревшие при хранении под открытым небом они сгорали один за другим.

– Опять, едрить-ага, вслепую работать придётся, Александр, что скажешь? – ехидничал капитан. Последние рейсы ему не везло с акустиками. – Смотри не угроби, мне НЭЛ-10, –

глядя на Сашкин зад, постоянно торчащий из-под стойки с самописцами, серьёзно говорил он, уже привыкший искать рыбу по навигационному эхолоту.

Но не это было главным в налаживании работы поисковых приборов. Заменить сторевавший трансформатор было не сложно, с этим мог справиться любой мало-мальски обученный специалист. Постоянная возня с заменой отнимала у Сашки время на решение основной задачи, поставленной руководством конторы. Необходимо было приспособить антенну старого немецкого поворотно-выдвижного устройство (ПВУ), к нашему гидролокатору «Палтус». Такое объединение двух разных приборов избавляло от необходимости постановки судна в док и экономило кучу денег. В конторе надеялись на Сашкино образование, увлечение радиолюбительством и полученный в предыдущих рейсах опыт. И вот, поменяв большинство трансформаторов и наладив более-менее стабильную работу техники, он теперь пропадал в шахте гидролокатора, настраивая согласование палтусовского генератора с вибратором от НАГ-а.

Шахта представляла собой вертикальный туннель полтора на полтора метра, ведущий от главной палубы к днищу судна. Сверху висела коробка генератора, а внизу в днище находилось ПВУ.

– Алё, Женя, включай, – громко крикнул Сашка в наушники, нацепив их затем на уши.

В генераторе щёлкнуло пусковое реле, появился накал в лампах и через 20 секунд, необходимых для прогрева, пошло излучение. Он прислушался к звуку из наушников.

– Женя, выключай, хватит, – сняв наушники, проорал Сашка в один из них, – перерыв полчаса.

Генератор отключился. За эти полчаса Сашка хотел поменять конденсатор в генераторе на более подходящий. В принципе, сделав необходимые измерения и расчёты, и заменив некоторые детали в схеме согласования, он уже получил картинку на самописце. Но она его не вполне устраивала. Хотелось выжать из техники максимум возможного, а для этого необходимо как можно точнее подобрать согласующие конденсаторы. Задача усложнялась тем, что после каждой замены надо было подниматься из шахты на мостик и, включив прибор, смотреть каков результат. Провозившись так целый день, он решил привлечь на помощь Женю. Для начала они наладили звуковую связь мостика с шахтой. Такая линия связи между передающей и приёмной частями гидролокатора при помощи двух пар наушников предусматривалась конструкцией. Теперь можно было переговариваться друг с другом, и, что ещё важнее, Сашка мог в наушниках слышать работу звукового индикатора, и по длительности эха определять качество согласования. Отпала необходимость бегать на мостик и проверять самописец.

Провозившись, теперь уже вдвоём, ещё день, нужное согласование, наконец, было получено. Услышав в наушниках хорошее длинное эхо, он удовлетворился достигнутым результатом.

– Женя, не выключай, – радостно крикнул Сашка в наушник, – я сейчас поднимусь, кажется, получилось.

– Получилось, Саша, – пропищали наушники Жениным голосом, – на самописце дно рисуется, а до него больше трёх километров.

Сашка, на кураже, мигом домчался до мостика и глянул на самописец, – сквозь серую пелену звукорассеивающего слоя действительно проглядывалась ровная полоска дна. Для него было ясно – раз рисуется дно на расстоянии более трёх километров, можно уверенно гарантировать обнаружение рыбных скоплений на меньших глубинах. Он попросил старпома, дело было на его дневной вахте, сбавить ненадолго ход до восьми узлов.

– На пять минут можно, – старпом сдвинул ручки управления двигателями немного назад.

Сашка, выждав пока судно достаточно замедлится, опустил шток гидролокатора и включил погромче звуковой индикатор. На мостике появился капитан.

– Что случилось, почему, едрить-ага, ход сбавили?

- Акустик, кажется, гидролокатор наладил, хочет проверить, – доложил старпом.
- На пять минут, Геннадий Семёныч, – добавил Сашка, – надо опустить «ногу», посмотреть, как гидролокатор работать будет. Это наш главный поисковый прибор.
- Сашка с видом победителя стоял у стойки, проверяя работу механизмов ПВУ.
- Ты мне гарантируешь, едрить-ага, что он рыбу будет рисовать?
- Крупную, поштучно, Геннадий Семёныч, – весело ответил Сашка.
- Ну, смотри, не разочаруй, едрить-ага, а то предыдущий акустик тоже всё обещал, а работали почти вслепую. Пусть Александр проверяет, сколько ему надо, – бросил он старпому, уходя с мостика.
- Вот и всё, Игорь, – наигравшись с гидролокатором, через несколько минут удовлетворённо сказал Сашка, – можно давать полный ход, ПВУ поднято.

Вечерело. На кормовой палубе было вполне комфортно. Тропическая жара спала, и моряки после работы проводили время в своё удовольствие. Кто-то играл в новус – морской бильярд, кто-то гулял по палубе, прохаживаясь туда-сюда, кто-то – просто болтал с друзьями. Сашка вышел на палубу в надежде встретить Жору, и обсудить с ним некоторые вопросы по установке японского тралового зонда «Фуруно». Зонд должны были установить ещё на ремонте, но как-то не сложилось, и теперь он, совсем новенький, в запечатанных ящиках, ждал своей участи у Сашки в кладовой. Жора был мастер на все руки и обещал помочь, как только закончит ремонт крышки слипа.

Чтобы починиться после шторма в Бискайском заливе, пришлось просить контуру о заходе на Канарские острова в порт Лас-Пальмас, который был по пути, и там базировалась ремонтно-подменная команда «Запрыбпромразведки». Капитан рассчитывал, что ремонтники быстро починят и слип, и промокшую электрику. Объём работ был большой. В мукомолке и рыбцеху вышли из строя все залитые солёной водой электромоторы. Кабельные трассы к ним тоже надо было менять. Не хватало сварочных электродов для восстановления слипа. Но в управлении, экономя средства, посчитали, что экипаж сам справится с ремонтом. Разрешили только зайти на рейд Лас-Пальмаса и катером доставить на борт необходимые запчасти: электрические кабели, сварочные электроды и прочее.

Полюбовавшись в бинокль на берег острова Гран-Канария, на высотки фешенебельных отелей Лас-Пальмаса, экипаж не без сожаления покинул эту Мекку советских моряков, надеясь, что на обратном пути обязательно побывает в заветном порту. Никто ещё не предполагал, что для «Фламинго» это полёт в один конец, и траулер никогда больше не попадёт в эти края.

Переход на юг продолжился. Работы у экипажа было невпроворот. Особенно досталось электрикам. «Это же сколько моторов им надо перемотать?» – думал Сашка, выбирая из своих

запасов катушки с обмоточными проводами потолще, чтобы поделиться с Хлыновым – старшим электромехаником. Электрики каждый день снимали в рыбцеху один мотор за другим, выносили на палубу, промывали пресной водой, сушили на солнышке, пробовали пускать. Если чуда не случалось, и мотор дымился, уносили его в свою подсобку на перемотку. Настоящим чудом для Сашки было то, как Хлынов управлялся с перемоткой моторов. Для него, никогда ещё не занимавшегося таким делом, был интересен сам процесс, особенно впихивание обмотки в сердечник якоря мотора. Ну и конечно завершающий этап, когда они вместе с Жорой и Саней-пальцем смотрели как оживают в рыбцеху ленты транспортёров. Вот и сегодня, выйдя после обеда на промысловую палубу, Сашка подошёл к электрикам:

– Привет, Терентичь, успеете до промысла? – спросил он, как обычно, старшего электромеханика, который вместе с электриком Лебедевым проверяли очередной мотор. Получив некий полу обнадёживающий ответ, он прошёл на корму, чтобы получше рассмотреть отремонтированный слип. Крышка стояла на своём походном месте, как будто ничего и не было. «Как они её отрихтовали, она же вся покорёженная была», — вслух удивился Сашка.

– А мы её через канифас и на турачку, привет Сашок, – сзади подошёл Жора и приятельски хлопнул Сашку по плечу.

«Через канифас и на турачку» на морском сленге могло означать всё что угодно, и в частности то, что удачно сделано, с присущей нашему народу находчивостью и изобретательностью.

– Правда, Жора, как вы её восстановили, она же в восьмёрку была, – Сашка, обрадовавшись появлению приятеля, жаждал объяснения.

– Я не шучу, ей Богу, Саша, завели трос через канифас блок на турачку траловой лебёдки и вытягивали понемногу кривизну, пока всё не выпрямили. Видел, как домкратом машины рихтуют, вот и мы примерно так.

– С помощью кувалды, лома и какой-то матери, русские починили свой звездолёт и полетели дальше, – процитировал Сашка известный анекдот.

– Это точно, и кувалда и мать, всё понадобилось, а чего ты меня искал, ребята передали.

– Есть у нас, Жора, такая японская штуковина, траловый зонд, – начал объяснение Сашка, – называется «Фуруно». Это такой самолётик, он с борта в воду опускается, а к тралу цепляется другая штуковина...

– Погоди, Сашок, что-то я не пойму, что за японские самолёты, ты меня в камикадзы агитируешь, – рассмеялся Жора, явно пребывая в хорошем настроении.

– Не смейся, я серьёзно говорю, на ремонте комплект на судно завезли, а установить забыли.

– Они, наверное, подумали, что такой мощный специалист как ты и без них всё смонтирует, – выдал подначку Жора.

– Да пошли они к такой-то матери. Почему я должен в рейсе их работу делать? – разгорячился Сашка.

– К какой-какой такой матери? – не унимался Жора.

– К японской... Богоматери, Жора, – уточнил Сашка, подражая актёру Пуговкину из «Приключений Шурика». Приятели дружно расхохотались.

– Ладно, давай Шурик, показывай, свою самурайскую технику.

– Пойдём на правый борт, я объясню, что надо сделать.

Они прошли к тому месту, где Сашка планировал установить небольшую фуруновскую лебёдку и длинную выносную стрелу для спуска под воду «самолёта», принимающего акустический сигнал от тралового зонда. Жора внимательно выслушал Сашкины объяснения, уточняя по ходу размеры лебёдки и стрелы.

– А я всё думаю, кто и зачем эту стальную трубу на судно притащил, такую длинную? – задумчиво изрёк Жора, что-то прикидывая в уме, – варить много придётся. Знаешь, Сашок,

давай-ка ты мне чертёжик нарисуешь, а я, как экватор отгуляем, сразу всё и сварганю. Тут ещё с электриками и старпомом надо порешать. Экватор послезавтра, а мне ещё реквизит готовить. Ты участвуешь?

– Я за звук отвечаю, и музыкальное сопровождение, а Женька звездочётом будет.

В это время над палубой из рупоров разнеслось скрежетание, в котором угадывалось приглашение экипажа на ужин. Корма быстро опустела. «Надо будет завтра обязательно транслицией заняться, а то на палубе ничего не разобрать, не говоря уже про каюты, где она вообще не работает» – подумал Сашка, идя на ужин.

Тропическое ночное небо искрилось мириадами звёзд, то там, то тут просекаемое ниточками метеоритов. Сашка лежал в гамаке, обустроенном боцманом на верхнем мостике, и переваривал ужин. Ему доставляло удовольствие выискивать на небе знакомые созвездия. К своему стыду, он мог назвать не более половины из тех созвездий, что хорошо известны опытным мореплавателям, лентясь подучить остальное, и успокаивая себя тем, что может без труда отыскать Полярную Звезду и Южный Крест. Ковш Большой Медведицы красовался над самым горизонтом по корме судна: «Там на севере остался наш дом, – размышлял Сашка, – а там, – он перевёл взгляд в противоположную сторону, – Южный крест. Под этим созвездием предстоит работать весь рейс. «Но студит мне душу Южный крест, и греет звезда полярная...» – вспомнились ему слова из песни Городницкого. Сашка откинулся назад, приняв удобную позу лёжа на спине и закинув руки за голову. Через несколько минут он заметил неяркую звёздочку, потихоньку перемещавшуюся относительно других звёзд. Это был спутник. Спустя некоторое время он зацепил взглядом ещё один, потом ещё. «Кинооператору срочно прибыть в столовую команды!» – неожиданно щёлкнул, а затем плоско прохрипел палубный громкоговоритель. Это искали его, Сашку, добровольно-принудительно выбранного кинодемонстратором. Традиционно, гидроакустик на судне крутил кино. Ему не нравилась эта работа. Она хоть и приносила немного дополнительных денег, но отнимала много личного времени. Однако, на этот раз отвертеться не получилось, и первый помощник, правдами и не правдами вынудил его принять на себя эту выборную должность.

«Неужели некому запустить кинопроектор, фильм то заряжен, выключатель повернуть не могут, – ворчал про себя Сашка, спускаясь с мостика в столовую».

Советские моряки были, пожалуй, одними из лучших знатоков отечественного кино. Каждый фильм просматривался ими по многу раз. А некоторые, особо любимые, даже задом наперёд. Или, например, такие фильмы как Бриллиантовая рука и Белое солнце пустыни иногда запускали без звука, а группа энтузиастов делала озвучивание, иногда вставляя отсебятину на злобу дня. Ну, например, вот так: «Саид, ты зачем порвал трал? – Клевало!» Сашка тоже знал наизусть целые эпизоды из фильма «Неуловимые мстители» и мог полностью озвучить Бубу Касторского, включая песни и танцы. Ещё по флоту «гуляли» так называемые «попурри» – сборники самых смешных эпизодов, из разных фильмов, склеенных в одну ленту.

На берегу существовала специальная контора, снабжавшая фильмами все Калининградские суда. Каждый год туда из нескольких сотен новых отечественных фильмов, попадало дватри десятка лент, специально отобранных соответствующими органами для советских моряков. Никакой иностранщины не допускалось. Перед рейсом комиссар обязан был съездить и отобрать полсотни фильмов – больше не давали. Для этого управлением выделялся транспорт. Комиссар всегда старался прихватить с собой кого-нибудь из экипажа: во-первых – помочь выбрать фильмы поинтересней и разделить ответственность за выбор ещё с кем-нибудь, чтобы потом не говорили, что это он сам набрал такого барахла; во-вторых – помочь таскать тяжёлые коробки с плёнками. Главной задачей комиссара было взять всё самое новенькое, не важно, плохой фильм или хороший, в рейсе разберёмся. Затем отбирались самые популярные из ста-

рых, чтобы самим ещё раз посмотреть, и как «валюта» для обмена. А добрая половина фильмов шла просто в нагрузку и воспринималась как неизбежная необходимость.

Сашка добежал до столовой и включил кинопроектор. На экране появились Мосфильмовские рабочий и колхозница, а затем название – «Трое вышли из леса», но он этого уже не видел, быстренько смывшись из зала, чтобы не слышать неодобрительный гул экипажа, требующего заменить кино. Такая ситуация была довольно частой, когда заканчивались новые и «валютные» фильмы и в ход шли нагрузочные. Попытка вступить в полемику с экипажем – мол, всем не угодишь, или не хочешь – не смотри, часто заканчивалась не в пользу кинодемонстратора. Поэтому Сашка предпочитал после запуска не популярного фильма сразу удалиться, не давая шанса экипажу потребовать замену. «Ну чего им опять не так? И про войну, и детектив, и любовный треугольник, всё есть! Правда такой фильм нельзя смотреть много раз, считай в каждом рейсе, теряется интрига, когда всё уже знаешь, зато актёры хорошо играют. В конце концов, где я им наберусь новых. Ещё посмотрим на вас, когда по второму разу всё пойдёт». Сашка заглянул в свою каюту, и не найдя чем заняться ближайшие полчаса до смены бобины в кинопроекторе, вышел на носовую палубу – выход на неё был рядом с каютой.

Носовая палуба, или ещё бак, на судне это нечто особенное. Здесь гораздо тише, чем скажем, на корме. Почти не слышно работы главных двигателей, ощущается лишь небольшая вибрация, которую, впрочем, моряки практически не замечают. Скорее наоборот – отсутствие вибрации сразу воспринимается, как нечто необычное. Ночью, на носовой палубе всегда темно, это необходимо для ходовой вахты, ведущей наблюдение за обстановкой на море. А раз темно, то и безлюдно. На переходе в тропиках, в полный штиль, на носовой палубе всегда лёгкий освежающий ветерок от движения судна. Плотно задраив за собой дверь, чтобы наружу не просачивался свет, Сашка вышел на бак и устроился у левого фальшборта, облокотившись на планширь. Через пару минут, когда глаза привыкли к темноте, окружающее пространство стало наполняться содержанием. В отсутствии луны сначала проявились яркие звёзды, постепенно складываясь в узнаваемые созвездия. Затем обнаружился Млечный путь. Сашка искал взглядом Южный крест, он почему-то сместился вправо от курса. «С чего бы это, – мелькнуло в голове, – ага, Дакар уже прошли, повернули влево». На чёрной глади воды, начали проявляться какие-то рисунки. Вот показалась светлая полоска в виде усика, идущая от носа судна. А вот, вдалеке, чуть заметно высветилось большое пятно, затем ещё одно и ещё... Он опустил голову, чтобы посмотреть вниз на воду у корпуса судна. Там тоже была видна лента светящейся воды. Чем дальше он смотрел на воду, тем ярче становились световые картинки. Это мозг настраивался на восприятие окружающего мира, извлекая из кладовых подсознания нечто такое, что заложено в нас природой, многократно усиливая в темноте остроту зрения. Сашка хорошо знал, почему светится вода. Свет исходит от потревоженных возмущением воды микроорганизмов. Он даже знал, что иногда по светящимся пятнам рыбаки определяют наличие рыбных косяков. Но сейчас он не придавал этому значения, а просто любовался совершенно неповторимым, уникальным миром, полным своих чудес.

Вдруг из-под самого носа судна вынырнула стайка летучих рыб. Разгоняясь по воде, они начертили своими хвостами искрящийся веер.

«Пора», – решил Сашка, и с сожалением оторвал взгляд от волшебного ночного мира, чтобы снова вернуться к обыденности судовой жизни. Пора было менять бобину в киноаппарате.

Глава 3. Экватор

«Потрудись-ка, Звездочёт, широты проделай счёт», – с этих слов Нептуна, обращённых к мудрому Звездочёту, на «Фламинго» началась церемония крещения новичков, впервые пересекающих линию экватора. Традиция эта уходит своими корнями на много веков назад во времена парусного флота. Наверное, её придумали португальцы, первыми обогнувшими Мыс Доброй Надежды ещё в 15 веке. В тропических широтах штилевая погода может длиться неделями. Чтобы как-то развлечь экипаж, поддержать в нём боевой дух, и был придуман этот обряд. На Российском Императорском Флоте обычай отмечать пересечение экватора появился и прижился тогда, когда наши парусники стали ходить к берегам Русской Америки и в кругосветные плавания. И сегодня эта церемония мало чем отличается от той, которую придумали наши предки – Русские моряки. Её описание можно встретить в отечественной литературе. Но прежде чем весь экипаж «Фламинго», собравшийся на кормовой палубе, услышал первые слова Нептуна, разнесённые судовой трансляцией по всему кораблю, была проделана огромная подготовительная работа, которая сама по себе заняла немало времени и доставила много, в основном приятных забот тем, кто в ней был занят.

Обычно, всё начинается ещё задолго до экватора. Первый помощник капитана, руководствуясь партийным принципом – если мероприятие неизбежно, то его надо возглавить, подбирает надёжных людей из числа бывалых моряков. Используя все свои организаторские способности (если они есть), или хотя бы не мешая (если их нет), он или его назначенец подкатывается к матёрым, пропитанным солью всех морей и океанов мореманам, с просьбой, иногда очень настоятельной, – посодействовать в проведении мероприятия. Таким образом, создаётся творческий коллектив, который берёт на себя ответственность за все дела. А их не мало: Надо подобрать подходящего по всем параметрам «Нептуна», – солидного, находчивого, не косноязычного, и «Звездочёта» —тоже не лопуха какого-нибудь. Этим двоим, предстоит вести весь праздник по сценарию и с неизбежными от него отступлениями. Тут нужны и сообразительность, и находчивость, и чтобы ведущие за словом в карман не лезли.

Затем свита. Начнём, пожалуй, с «Русалки». Это, считай, повезло, если на судне есть женщина, обладающая хоть каким-то эротическим шармом, соответствующим такой важной роли. И то, её ещё надо уговорить. Она, конечно же, знает заранее, что ей предложат роль «Русалки», еще на отходе поняв, что конкуренток у неё нет. Она будет как можно дольше ломаться, чтобы по максимуму испытать всю прелесть мужских обхаживаний, тонко чувствуя ту грань, за которой отчаявшиеся мужики могут назначить русалкой какого-нибудь юношу, пообещав ему «золотые горы». Словом, без «Русалки» и праздник – не праздник, как застолье без вина.

Раз уж упомянуто вино, то следующим важным персонажем в свите отметим «Виночерпия». Роль у него ключевая. «Хмельная чара», которой потчуют новичков после всех пердряг, входящих в обряд крещения, – хмельная на самом деле. Испить её надо обязательно до дна, а её воздействие должно быть достаточно эффективным, чтобы новичок почувствовал необходимый результат, расслабился и простил в душе все невзгоды, выпавшие на его долю во время крещения. Физически, хмельной напиток готовится каждый раз исходя из возможностей на корабле. Тут годится всё, и сухое вино, если оно имеется, и спирт, при помощи которого достигается нужный градус, и Бог его знает, чего ещё, для усиления воздействия и достижения неповторимого, хорошо запоминающегося вкуса. Ответственность «Виночерпия» высока. Во-первых – обладая таким богатством, он сам должен с достоинством дотянуть до конца мероприятия; во-вторых – он отвечает за справедливое распределение доверенного ему ресурса среди всех участников, отсекая наглые попытки чертей и других охотников употребить лиш-

нее. Словом, «Виночерпий» – это настоящий кремень, надёжный моряк, проверенный временем. В противном случае весь праздник может пойти наперекосяк.

«Черти» – вот кто делают ритуал интересным, ярким, запоминающимся на всю жизнь. Это крепкие, весёлые ребята, способные не только выполнять команды «Нептуна», но и внести в действие эдакую бесшабашную чертовщину, элемент непредсказуемости, часто на грани допустимого, а иногда и за этой гранью. Поэтому подбор команды чертей (в ней от двух до пяти человек, в зависимости от масштаба мероприятия), очень важный элемент подготовки.

А дальше, по списку, менее важные, но непременно участники свиты: «Пират» – хранитель печати «Нептуна». «Брадобрей» – он, понятное дело, бреет. «Доктор» – соответственно лечит, и «Стражники» – они охраняют. Иногда с Нептуном может быть его жена – «Наяда», она просто всегда рядом, как правило, молча исполняет свою роль. Впрочем, тут будет правильным заметить, что не бывает маленьких ролей, а бывают маленькие актёры. У каждого в свите есть возможность проявить себя с самой лучшей стороны, так, чтобы это всем запомнилось.

На «Фламинго», конечно, был реквизит от предыдущих переходов экватора, он же «тропик». И всё же участникам свиты надо было не только привести всё в надлежащий вид, но и внести свою изюминку, проявить фантазию, изобретательность, словом, постараться всех удивить. Ну, например, Пират с чертями соорудили пушку, которая должна неожиданно выстрелить в публику какой-нибудь фигнёй. Доктор смастерил огромный шприц с секретным, плохо отмываемым лекарством, которое он будет пичкать новобранцу, куда ему вздумается. Русалка и Наяда подобрали нужный «прикид», чтобы поразить женскими прелестями всех присутствующих, тщательно замаскировав свои, как им кажется, недостатки, и так далее.

Обязательным элементом реквизита является так называемое «чистилище». Это, довольно сложное сооружение, представляет собой некий туннель, через который ползком должен пролезать новобранец. Внутри всё намазано специальным составом на основе сажи из судовой выхлопной трубы и отработанных масел. Отмыться после чистилища не просто. Одежду приходится выбрасывать, волосы остригать. Конечно, может быть и более мягкий вариант из других ингредиентов, чтобы смывалось, но тогда и вспоминать новичку особо будет нечего.

Наконец, «купель». Это и есть то сооружение, наполненное чистой океанской водой, где происходит крещение. На «Фламинго» купель обустроили в конце кормы, в той нише, которая образуется на палубе при поднятии крышки слипа в походное положение, и где расположена та самая, злополучная, крышка румпельного отсека из-за которой чуть не случилась беда. Боцман принёс большой брезент и соорудил настоящий бассейн в ширину всего слипа.

На долю Сашки тоже выпало немало хлопот. Надо было привести в порядок находящуюся в плачевном состоянии судовую трансляцию, чтобы зрители не только глазами, но и ушами могли воспринимать происходящее. Дело в том, что на кормовой палубе, где должно проходить мероприятие, было довольно шумно от работающих на полном ходу главных дизелей. Что-то услышать можно было только через микрофон. Пришлось повозиться с трансляцией, рупорными громкоговорителями, ячейками усилителей пока всё не заработало как надо.

Но вот вся подготовка позади, настал день перехода Экватора. Экипаж, пообедав, потянулся к кормовой палубе, занимая удобные места на кормовом мостике. Судно даёт длинный гудок, и второй помощник (он на вахте) по судовой трансляции торжественно объявляет: «Внимание, на судно прибывает Нептун со своей свитой. Капитану и всему экипажу выйти на кормовую палубу!»

Сашка – звукооператор мероприятия, включил весёлую музыку. Представление началось! Сначала под шумный визг, свист, улюлюканье на палубу выбежали вымазанные сажей черти, среди которых особо выделялся парень из науки по прозвищу «Удав». Он был в плечах чуть ли не в два раза шире нормального мужчины, а прозвище своё получил за то, что мог «по-дружески» так приобнять, что невозможно было сделать вдох. Другие ребята тоже были крепыши, не промах, но узнать в них кто, есть кто, было трудно, по крайней мере, Сашка опознал только Игоря – «Удава», инженера-ихтиолога из научной группы. Черти уже на взводе, приняли чуток, так сказать, для куражу. Не дай Бог, какому зевাকে попасться им под руку – приобнимут так, что потом не отмоешься. Наведя «порядок» на палубе, черти уступают место появляющейся остальной свите. Нептун, (здоровенный добряк из машинной команды) занимает место на специально установленном «троне». Рядом с ним садится Наяда – это молодой паренёк из матросов добытчиков, при помощи парика, бюстгальтера и косметики преобразившегося в яркую, привлекательную женщину, достойную быть спутницей самого Нептуна. Стражники в шлемах, в руках щиты и копья, встают по бокам. Русалка, ох уж эта Русалка: «Уговорили-таки Танечку», – с удивлением подумал Сашка, обнаружив в образе Русалки техника-ихтиолога Таню, скромную молодую женщину, чем-то напоминавшую актрису Ию Савину из фильма «Дама с собачкой». Таня, с томным видом, полулёжа, расположилась в ногах Нептуна. Брэдобрей и Доктор (с ними Сашка ещё толком не успел познакомиться), занимают места по соседству с чистилищем. Одноногий Пират – старший рыбмастер Саня-палец, неуклюже проковылял на приделанном к коленке костыле, волоча за собой пушку. Виночерпий, а это Жора, расположился со своей бадьёй чуть в сторонке на пути к «купели». Нептун берёт микрофон, музыка смолкает, наступает относительная тишина. Ровно гудят на полном ходу главные дизеля. За кормой, как всегда, пара чаек над осветлённой кильватерной струёй. Полуденное солнце печёт неимоверно. Тропическая жара.

Но вот, наконец, из всех шести рупоров кормовой палубы раздаётся зычный голос Нептуна: «Потрудись-ка, Звездочёт, широты проделай счёт!» Женя-Звездочёт, с очень умным видом, осмотрев окрестности в огромную подзорную трубу, берёт у Нептуна микрофон и докладывает: «На экваторе мы точно. Я ещё прошедшей ночью всё по звёздам рассчитал, час экватора настал». Дальше выход капитана. Едрить-ага, в белоснежной, наглаженной рубашке при пагонах, в чёрных брюках и лаковых ботинках, в сопровождении расфуфыренной буфетчицы, несущей поднос с бутылкой водки, четырьмя рюмками и изысканной закуской в виде небольших бутербродиков с красной икрой и дольками лимона, подходит к Царю морей с докладом о цели путешествия. Доложив, и передав список «нехристей», капитан предлагает Нептуну и ближайшему окружению (Наяде и Звездочёту) отведать угощение, после чего Нептун, немного поважничав, разрешает капитану перерубить канат, символизирующий линию экватора. Едрить-ага берёт топор, и лихо рубит канат. Но не тут-то было, топор не очень острый (так специально подстроено чертями) и приходится рубить несколько раз. Пользуясь замешательством, черти крадут с подноса бутылку с водкой и тут же её выпивают. Но вот, с канатом покончено, путь в Южное Полушарие открыт, и капитан с буфетчицей (слегка приобнятой чертями во время кражи бутылки) удаляются со сцены. Пришла пора заняться «нехристями», которые в ожидании своей участи плотной кучкой сгрудились у планширя левого борта.

Бац, – резко щёлкнула тугой пружиной пушка, и в «нехристей» полетели кусочки пенопласта и конфетти. Пират доволен, выстрел был неожиданным и произвёл нужный эффект.

Нептун передаёт список «нехристей» Звездочёту, и тот громко, опять же стихами, называет первого новобранца. Это наш четвёртый механик Пашка. «Такой из механиков только один, – представляет его публике Звездочёт, давая понять, что остальная механическая служба уже крещёная, – системы всей фановой он господин». При этом черти хватают обречённого бедолагу и тащат к трону Нептуна, где ставят его на колени и гнут голову к поклону. «Он знает всех больше про воду и пар, как лучше поддерживать в сауне жар, – продолжает Звездочёт, – коль в сауне нету горячей воды, работает он от звезды до звезды». Нептун, взяв у Жени микрофон, оглашает своё решение: «Ну что же, нам кадры такие как раз, чистилище пусть нам проверит сейчас». Черти тут же волокут Пашку к чистилищу, куда он, не сопротивляясь, сам вползает на четвереньках, стремясь поскорее проскочить на выход. Но не тут-то было, чистилище надо проверить, он же механик-профессионал, и черти блокируют выход, предоставляя ему время для «проверки» качества чистилища. Они невероятно шумят и даже пару раз переворачивают всю конструкцию вместе с содержимым. Наконец, ошалевшего от такой «проверки» Пашку, черти за руки вытаскивают наружу и ставят на ноги. Он весь чёрный от липкой промасленной сажи. Хорошо, что у друзей есть фотоаппарат – будет фото на память. А черти выполняют дальше свою работу – ведут Пашку к Брадобрею. Тот усаживает «клиента» на табурет и специально приготовленной пеной мажет, где попало, огромной кистью. Затем, работая на публику, скоблит, в полметра величиной, фанерной бритвой. Дальше Доктор. Сначала он заставляет пациента принять лекарство – приготовленную им на основе морской воды «микстуру». Что там намешано, не знает никто, но вкус, уверяю вас, специфический, и запомнится надолго. Собственно говоря, в этом и заключается роль Доктора в обряде. Ах да, чуть не забыл про шприц. Вот он достаёт свой огромный шприц, оттягивает резинку Пашкиных трусов и поливает оголившийся зад чем-то тёмно-зелёным, будем надеяться, что это не масляная краска, впрочем, а почему бы и нет.

Последнее звено в цепи испытаний, и как кажется новичкам, не такое уж страшное, а скорее приятное, – «хмельная чаша» от Виночерпия. Пашку подвели под ручки к бадье, Жора зачерпнул с пол литра бухла в большую чашу и протянул её новичку. Пить надо было до дна. Собравшись с духом, Пашка залпом, под улюлюканье чертей, осушил посудину, выдохнул, потряхнул головой от неожиданных вкусовых ощущений и тут же был подхвачен чертями, которые отнесли и бросили его в купель. В бассейне было хорошо. Бассейн – это награда за все

испытания, это ощущение, что теперь ты как все. Пока Пашка, оставленный чертями, балдел в бассейне, постепенно одурманиваемый лошадиной дозой содержимого «хмельной чары», мероприятие продолжалось. Всего новичков на «Фламинго» было семеро. Все прошли через чистилище, за исключением судового врача. Докторша – полная женщина предпенсионного возраста, работница городской санэпидстанции, попавшая в море толи за особые заслуги, толи из-за нехватки специалистов для растущего флота, понадеялась на снисхождение Нептуна, предложив ему выкуп – пол литра чистого медицинского спирта. Нептун без колебаний согласился, понимая, что чистилище для докторши маловато, но всё же потребовал от неё станцевать вальс в обнимку с чертями, где она и получила свою, хоть и не такую большую, как в чистилище, но всё же незабываемую порцию сажи.

Сашка, находясь в сторонке, внимательно следил за ходом действия, включая и останавливая магнитофон с подобранной заранее музыкой. Он вспоминал свой первый переход экватора.

Почти новенький РТМ типа «Атлантик» с красивым названием «Эврика» был послан управлением «Запрыбпромразведка» в Юго-Восточную Атлантику на Китовый хребет. Предполагалось найти там, на подводных горах, скопления макруруса или ещё что-нибудь, представляющее интерес для промысла. Сашка на экваторе умудрился избежать чистилища. Тогда, на «Эврике», новичков было много, человек пятнадцать. Когда очередь дошла до буквы Ш, с которой начиналась его фамилия, подуставший от своих обязанностей Нептун, предложил ему удивить публику какими-нибудь своими талантами. «Пан или пропал!» – подумал Сашка и довольно самоуверенно, может даже нагло, заявил, что может исполнить любимую песню Нептуна, какую бы он не назвал. У этой самоуверенности была основа. Во-первых – Сашка знал наизусть почти всё, что существовало на пластинках, начиная с патефонных и кончая самыми новыми виниловыми. Ещё в раннем детстве, восседая на горшке, он подолгу играл в «патефон», крутя крышку горшка как юлу, представляя, что это пластинка и при этом громко распевал песни из не малой домашней коллекции. Причём обязательно «играл» пластинку с обеих сторон. Он и сейчас помнил те старые песни парами, как на пластинках. Родители не мешали такому долгосидению, руководствуясь народной мудростью – «чем бы дитя не тешилось...», а когда Сашка подрос и пошёл в первый класс, его заодно отправили и в музыкальную школу. В «музыкалке», проверив Сашкины способности, преподаватели отговорили родителей от баяна, убедив их отдать такого способного сына на фортепьяно. «Три деревни два села, восемь девок – один я...» – подшучивал над сыном отец, весело напевая цитату из народной – «Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке...». Сашка был единственным мальчишкой по классу фортепьяно в только что образованной городской музыкальной школе. Остальные восемь «пианистов» были девчонки. В то время пианино было большой редкостью, но преподаватели пообещали помочь Сашкиным родителям приобрести подходящий инструмент. Весь первый год бабушка водила его заниматься на фортепьяно в соседний детсадик. Будучи неграмотной, она всё же умудрялась, как-то контролировать его потуги в освоении инструмента, чутко улавливая, где Сашка фальшивит. Бабушка любила петь и знала множество песен, тех старинных, народных, которые передаются из уст в уста, и уж конечно всё это прошло через ушки внука ещё в колыбели, создавая основу той музыкальности, которая теперь и начала в нём проявляться. Вскоре его взяли солистом в городской хор, где пела его мать. «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо, пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я!» — чистым звонким детским голосом выводил Сашка слова популярной тогда песни, срывая бурю аплодисментов. Закончив музыкалку, Сашка попросил отца купить гитару. Это была семиструнка за шесть с половиной рублей. Отец, фронтовик, бывший военный музыкант, игравший на трубе в полковом оркестре, сам показал ему первые аккорды на гитаре. Через месяц Сашка уже пел «в подворотне» своим ломающимся юношеским голосом дворовые шлягеры на три аккорда типа: «Жил в Одесе парень, паренёк, ездил он в Херсон за голубями...», вызы-

вая восхищение у сверстников, особенно у девчонок. К концу средней школы в Сашкином репертуаре кроме дворового был весь Высоцкий, а также песни других бардов, бродившие по стране в виде магнитофонных лент. Поступив после школы в мореходку, Сашка организовал там вокально-инструментальный ансамбль и чуть не вылетел с третьего курса за несданные вовремя экзамены. Опомившись, он наверстал упущенную учёбу и защитил диплом на отлично, умудряясь при этом завоёвывать первые места со своим ВИА «Морские звёзды» на городских конкурсах. Ещё два вокально-инструментальных ансамбля были организованы им уже в море. Это были «американские рейсы» на НПС «Аргус», когда наши моряки работали совместно с учёными из США. Американцы несколько раз приглашали Сашкин ансамбль для концертов. Он трижды был отмечен в местной американской прессе, а репертуар пополнился песнями на английском.

И вот Царь морей, – судовой доктор Пётр Прокопович, годившейся Сашке в отцы, удивившись такой прыти, решил непременно проучить наглеца и, покопавшись в памяти, выдал: «Ну, давай, отрок, спой-ка мне вот эту – суров, могуч Великий океан...» Песня морских пиратов неизвестного автора, существовавшая только в устном народном фольклоре, тоже была хорошо известна Сашке, её под те же три аккорда пел отец, ходивший в море в конце 60-х. Сашка спел. Петр Прокопович, сражённый такими способностями, освободил его от чистилища, заметив, однако, что одного куплета не хватает, и что ему придётся «подучить» песню после церемонии на особом собрании приближённых к Нептуну лиц, куда, кстати, входил и Женя, уже тогда овладевший профессией Звездочёта. Вот так Сашка «откосил» от чистилища. Правда майку и шорты всё же пришлось выбросить, зато сохранилась его битловская шевелюра.

Тем временем праздник на «Фламинго» вступил в заключительную стадию. Черти пошли в разнос и хватали всех в подряд, кто ещё не ушёл с палубы. Они кидали жертву в бассейн, а виночерпий затем одаривал пострадавшего «хмельной чарой». Были и те, кто сам напрашивался на такую процедуру, совмещая сразу два удовольствия, прохладу бассейна и чарку от Виночерпия. Впрочем, бдительный Жора вовремя остановил одаривание, оставив некоторую часть напитка для свиты.

Наконец, угомонились. Опустела палуба, затем бассейн, – кому на полдник, кому на вахту.

Через полчаса после финиша мероприятия вся свита собралась в кормовой лаборатории на «разбор полётов». Обстановка располагала, и вскоре Сашка притащил гитару. Подстроив инструмент он погнал свой репертуар: сначала про море, затем про любовь, а потом по заявкам. Пел громко, с душой. В лабораторию всё чаще заглядывали люди. Стало тесновато, и решили переместиться на корму к траловой лебёдке. Слух о том, что гидроакустик Сашка даёт на корме «акустический концерт», мгновенно облетел весь корабль. Экипаж из кают, где добывал «Каберне» – тропическое довольствие, заботливо выданное на 10 дней вперёд, потянулся на кормовую палубу. Сашка был неистощим, он выдавал один шлягер за другим, исполнял и коллективные заявки, и личные. Моряки ходили освежиться в бассейн, сбивались в кучки по интересам и, отойдя немного в сторону, чтобы не мешать артисту, обсуждали пережитые недавно события. Дух морского братства насыщал окружающее пространство, соединяя души в единое целое, в ту силу, которая свернёт любые горы. Многие только сейчас осознали, как близки они были к беде, как им повезло. Теперь они навсегда стали теми, о ком будут говорить: «Он был на «Фламинго», в том самом рейсе, когда в Бискае слип сорвало, как на Тукане».

После ужина и праздничных посиделок Сашка с Женей пошли в сауну. Суда типа «Тропик» выгодно отличались от других тем, что на них существовала настоящая баня-сауна. Ни на БМРТ, ни на Суперах, ни тем более на средних траулерах, не было настоящей, предусмотренной конструкцией судна, бани. Часто моряки, не могущие жить без парилки, обустраивали на судах некое подобие бань, но это были скорее закутки, приспособленные для прогрева тела, чем настоящие бани. «Тропикам» повезло. Кто-то из наших руководителей, там – наверху, выдавая немецким верфям техническое задание на постройку новых больших траулеров, побеспокоился о моряках и предусмотрел для них на судне баню-сауну. В стране были времена так называемой «оттепели», скорее её конец, но всё же некоторое гуманное отношение к простым труженикам ещё имело место быть. В дальнейшем от бань отказались, видимо из соображений экономической нецелесообразности. Наступали времена под лозунгом: «Экономика должна быть экономной!»

Нельзя сказать, что Сашка был фанатиком бани, как например Жора, тот всегда набирал с собой в рейс кучу веников, всяких флакончиков с ароматами, непременно шерстяную вяза-

ную шапочку, и Бог знает, что ещё. Просто Сашка с детских лет ходил с отцом по субботам в городскую баню, где был сначала приучен терпеть жару в парилке, а затем, взрослея, уже и получать удовольствие от этой процедуры. Каких только татуировок он там не видел. Настоящая картинная галерея. Портреты красавиц и вождей, цитаты из блатного фольклора, целые композиции, приходящие в движение при ходьбе их владельцев. У бати тоже был орёл во всю грудь и якорь со штурвалом на руке. Там же в бане, после помывки, сидя с отцом в большом, столов на десять, прокуренном буфете, где под гудёшь разомлевших от пара и водки мужиков, сплошь фронтовиков, часто безруких, безногих, контуженных, Сашка со временем узнал, что пиво может быть не только горькой водой, но и очень даже о-го-го.

В этот раз друзей привлекала редкая в море возможность не только попариться, но и окунуться после парилки в бассейн. Уже на следующий день бассейн будет разобран, и надо было не упустить такую оказию.

Зашли вдвоём – было уже под полночь, и баня пустовала.

– Сколько там, на термометре, тебе видно? – спросил Женя. Он сидел на верхнем полке, согнувшись дважды, так, по крайней мере, показалось Сашке. Почти двухметровый друг, забравшись наверх, пригнул голову, иначе она упёрлась бы в подолок, затем согнулся в пояснице и ещё где-то в спине, что и рассмешило Сашку. Под потолком было нестерпимо жарко.

– Сто пять, Женя, береги голову, – Сашка щёлкнул по градуснику – может подзавис, градусник не дрогнул, упрямо показывая свои 105.

– Врёт градусов на десять, а, как ты думаешь?

– Думаю на пятнадцать – Жорж говорил. Ложись, я пока посижу.

Женя улёгся во всю длину верхнего полка. Сашка присел у него в ногах.

– Хорошо пробирает, – заметил он через пару минут, разглядывая крупные капли пота на руках возле запястий.

В сауне что-то резко щёлкнуло, а затем стало похрустывать.

– Печку отключили, – заключил Женя, – полночь, вахта в машине сменилась. Ну что, не пора ли нам в бассейн.

Они вышли из парилки, не забыв хорошенько прикрыть дверь, зная, что тепло еще будет держаться с полчаса.

В бассейне была благодать. Набрав полную грудь воздуха, Сашка ушёл под воду с головой и сидел так, сколько мог, прислушиваясь к реакции тела, отвечающего на прохладу воды лёгкими приятными покалываниями.

– Фу-х, – шумно выдохнул он, вынырнув наружу и обнаружив друга лежащим на поверхности воды с закинутыми на бортик бассейна руками. Над головой плавно покачивалось звёздное небо. Сашка устроился так же как Женя и быстро отыскал взглядом Южный крест, затем Орион.

– Женя, ты же знаешь созвездия, тебе как Звездочёту, положено знать, покажи мне чего-нибудь, – попросил он друга, решив, пользуясь подходящим моментом, пополнить свои познания в астрономии.

– Хорошо, вот смотри, кстати, ты кто по гороскопу?

– Я, Весы, – он сосредоточился, следя за Жениной рукой.

– Видишь вон те четыре звезды, – Женя показал пальцем, куда-то в небо у себя над головой.

– Мальчики, можно мы к вам? – нарушили тишину женские голоса. Это были Валя и Эльвира.

– Да, конечно, присоединяйтесь, – обрадовались такой приятной неожиданности друзья, мгновенно переключившись с небесных звёзд на судовые.

– А мы тут в баню зашли, там никого, – игриво начала беседу Валентина, судовая буфетчица, женщина лет 35, не лишённая очарования, с привлекательной стройной фигурой. – Немного погрелись и сюда.

– А тут вы оказались, – столь же игриво добавила Эльвира, работавшая на судне прачкой. В свои 50 она всё ещё старалась выглядеть как молоденькая девочка, и что удивительно, это ей в определённой степени удавалось.

Праздник для наших героев продолжился.

Сколько не тянись тропическая ночь, а утро всё равно наступит. Вот оно уже мазнуло тёмно-серой краской по небу, выявив из мрака ровную линию горизонта над штилевой поверхностью воды. Ещё немного и восток окрасился в пунцовый цвет. А вот в воде у горизонта буквально на мгновение появилось светло-голубое пятнышко, предвестник «зелёного луча», который тщетно пытаются увидеть все моряки (мы то с вами знаем, что он существует лишь в воображении особо экзальтированных личностей). И вот, солнечный колобок чуть ли не выпрыгивает из воды – так нам, северным жителям, кажется, когда мы попадаем в тропики.

В судовую тишину (главные не в счёт) как-то совсем тихо, почти шёпотом, вкрался голос старпома: «Судовое время семь часов, команде подъём». Кому надо и так услышат, а для Сашкиного мозга это почти всегда означало, что есть ещё, по крайней мере, целых четыре часа, чтобы не беспокоить тело.

– Эй, Александр, вставай! – кто-то тряс Сашку за плечо. Он с трудом открыл глаза. Это был Комиссар. – Давай, просыпайся, тебя капитан зовёт!

– Что-то случилось? – хриплым спросонья голосом спросил он Комиссара, но тот уже вышел из каюты, притворив за собой дверь.

Появление Комиссара не предвещало ничего хорошего: «Что-то натворил вчера, а что?» – продуцировал вопросы его ещё не очнувшийся в полной мере мозг, отдавая распоряжение телу вылезать из койки. «И где это я?» – глаза искали одежду, пока ноги опускались на пол. Каюта была не знакомой, одежды нигде не было, а сам он оказался совсем голый. Отрезвление от полудремотного состояния произошло мгновенно. «Да, хорошо погуляли, что же я натворил такое, что сам Комиссар пришёл будить», – Он попытался припомнить хоть что-нибудь «такое», прокручивая в голове вчерашние события: «Сауна, потом бассейн с девочками, а потом?» Потом была пустота, ничего в голове не осталось. Сашка осмотрелся в каюте. «Женская!» – с ужасом обнаружил он, разглядев особую ухоженность, и унюхав тот запах, который убивает всякие сомнения. Уже одно только это было тем самым «ТАКОЕ», что он натворил. Чувство тревоги нарастало, как снежный ком. «Так, где моя одежда? Ах, да, мы же купались. Тогда куда делись плавки? Надо скорее попасть в свою каюту. Но как, голый ведь!» – Сашка осторожно приоткрыл дверь и выглянул в коридор. «Никого, всё тихо. Ну что рискнём?» – он представил, что кто-то может увидеть его бегущего по коридору совершенно голым: «Ой, что будет, что подумают? Нет, надо что-то придумать». Он закрыл дверь и ещё раз, теперь более тщательно, осмотрел каюту: «Хоть бы полотенце, какое, найти... нет, не такое крохотное, что рядом с умывальником!» – лихорадочно соображал Сашка. «А это что?» – на спинке стула лежал цветастый халатик, как бы специально приготовленный для него. Сашка снова представил, как бежит по коридору в коротеньком женском халатике. Это было не смешно, это была «засада». Он хорошо знал, что на судне невозможно что-то утаить. Всё всегда всплывает, обрастая к тому же невероятными подробностями. «Какая пища для сплетен, все кости перемоют...»

Время бежало, надо было что-то делать. «А, была не была, из двух зол – меньшее», – Сашка набросил халатик и, не застёгивая, лишь удерживая полы на животе, выскочил в коридор и... нет, не побежал, а торопливой походкой пошёл к своей каюте, благо она находилась в самом начале того же коридора. «А что, чем не женщина, – подумал он, подходя к каюте, –

если сзади посмотреть – волосы длинные, талия имеется, – Сашка подтянул живот и потуже прихватил халатик, – ножки...» – мускулистые, волосатые ноги могли слегка испортить впечатление. К счастью, коридор был пуст, но даже эта тактическая победа, не принесла облегчения. Оставался главный, гнетущий вопрос – что же он такое натворил. Надо бы попытаться вспомнить все мелочи вчерашнего вечера, а главное, что там было в бассейне и после него, как он оказался голый в чужой каюте. Впрочем, времени на обдумывание не было – нехорошо заставлять капитана ждать, это только усугубит ситуацию. Быстро приведя себя в надлежащий вид, и бросив мимолётный взгляд на часы – было 9-30, Сашка двинул вверх к капитану. Глубоко вздохнув перед дверью, с обречённым видом он постучал и, дождавшись ответа, вошёл в каюту. Слева от входа, за большим столом на диване сидели четверо – Капитан, Комиссар, Женя и Жора. «Всё судовое начальство в сборе, – подумал Сашка. Он знал, что Жора возглавляет судовой комитет».

– Что же это ты, Александр, – с серьёзным видом начал капитан, – ничего мне не сказал? – Сашка весь напрягся, приготовившись к разносу

– Что не сказал, Геннадий Семёнович? – наступила длинная пауза с каменными лицами у сидевших за столом.

– А то, что ты вчера..., на кормовой палубе..., – медленно, с ноткой металла в голосе, чеканил капитан...

«Ну, всё, пропал!», – совсем раскис Сашка, судорожно пытаюсь сообразить, – что же всё-таки с ним могло...», – богатая фантазия рисовала в его голове самые невероятные комбинации.

– Без моего, едрить-ага, ведома... – продолжал капитан.

– Геннадий Семенович, я..., мы, – промямлил Сашка, но капитан его перебил.

– Придётся тебе едрить-ага нам сейчас... – Сашка замер, сжав зубы в ожидании сурового приговора.

– Спе-е-ть! – дружно громыкнуло над столом, а затем перешло в отчаянный ржач.

– Видел бы ты себя со стороны, – тыкал Женя в Сашку пальцем, продолжая хохотать.

«Женька всё подстроил, гад, и каюту с халатиком, и Комиссара, – оттаивая от стресса, без злобы, глупо улыбаясь, думал Сашка, наблюдая, как на столе из ниоткуда появляется закуска, а из холодильника достаётся трёхлитровая банка бражки. Ему пододвинули стул.

– Садись, Саша, не знал едрить-ага, что ты ещё и поёшь хорошо. Вот, ребята рассказали, какой ты вчера концерт закатил, а меня, едрить-ага, не было. Сыграешь нам? – попросил капитан, двигая стакан с бражкой поближе к Сашке. – Извини, Каберне вчера закончилось.

– Сейчас, Геннадий Семёнович, за гитарой только сбегаю...

– Здесь твоя гитара, Женя уже принёс, ты её на палубе вчера, едрить-ага, оставил.

«Вот развели, чего только не передумал, молодцы, умеют, и гитара у них уже тут. Однако, когда же я вчера успел так набрался, что совсем отрубился. Ну конечно, на концерте, сколько раз сухоньким горло промочил, вот оно и сработало. Наверное, в каюте у Эльвиры ещё добавили, я и скопытился. Эльвира ушла спать к Валентине. Голый – потому что из бассейна, а мокрые плавки Женька забрал, наверное, сейчас у меня в каюте, – Сашкин мозг быстро сложил пазл из вчерашних событий в ясную картину. —Халатик, а что если бы его не было? Вот за халатик спасибо! – Он залпом осушил стакан холодной бражки и взял в руки гитару. – Ну, ща я вам выдам!»

Глава 4. Пошёл трал

Почему-то не спалось. После бархатного полушёпота старпома о подъёме, а затем на завтрак, привычно не замечаемого Сашкой, сон превратился в лёгкую дрему, а затем и вовсе прошёл. Теперь каждый звук, будоражил мозг, который извлекал из своих глубин объяснения услышанному. Хлопнула дверь в соседней каюте: «Это докторша пришла с завтрака, – отрапортовал мозг». Загудела траловая лебёдка: «Добытки вышли на палубу, будут промерять ваера, – продолжал донимать мозг». Сашка перевернулся на левый бок лицом к переборке, так было темнее для глаз. Поправив подушку, он принял самую удобную позу.

– Утомонись, давай ещё поспим, – предложило тело мозгу, – мы же с тобой до полвторого ночи в карты играли.

– Ну, хорошо, давай попробуем, – неохотно согласился мозг, и тут же, как бы исподтишка продолжая, – докторша вышла из каюты, дверь хлопнула. Все чем-то заняты, только мы дурака валяем.

– Ладно, встаём, – сдалось тело, – тебя не переспоришь, сопротивление бесполезно».

Судно приближалось к району промысла и экипаж жил в предвкушении предстоящей работы. У Сашки это чувство было сродни тому состоянию, которое испытывают заядлые рыболовы в ночь перед рыбалкой. Удочки подготовлены, черви накопаны, каша для приманки сварена, надо бы хорошенько выспаться, а как-то не получается. Важность предстоящих событий не даёт расслабиться. «Как ждёт любовник молодой минуты верного свиданья», – гениально высказался об этом состоянии Пушкин. Первое траление в рейсе определённо было архиважным событием, и от него, гидроакустика, многое зависело. «Парень я молодой, а хожу с бородой, – мычал Сашка партизанскую песенку намыливая перед зеркалом лицо. Его отец всегда напевал эту песню, когда брился. «То разведка, то засада, стричься-бриться мне, когда?» – вставляя свежее лезвие «Нева» в станок для бритья, объяснял он своему отражению откуда у него такая запущенная щетина. Он брился обычно через день, но иногда ленился, и оправ-

дывая себя желанием отпустить усы или бороду, мог не бриться и неделю, заранее зная, что всё равно скосит свою жидкую поросль. Ну не нравились ему ни его редкие усики, ни худая бородка. «Бриться-мыться, похмеляться, – он плеснул в ладонь одеколон «Шипр» и растёр его по щекам и шее – да собою любоваться». Подмигнув напоследок зеркалу, Сашка отправился на бак позагорать.

Океан слегка покачивал «Фламинго» длинной пологой зыбью, плавно переваливая одинокое, бегущее на юг судно, с борта на борт. Горизонт был привычно пуст. Лишь альбатрос парил высоко в небе, совершая большие круги в поисках добычи. Сашка огляделся, подбирая удобное для загара местечко, и тут на глади воды в поле зрения попало нечто необычное. «Дельфины, – обрадовался он, направляясь на правый борт ближе к носу, откуда было хорошо видно всю стаю, плывущую параллельно судну. Он не любил загорать просто так, ничего не делая, на худой конец книжку какую-нибудь читал, а тут дельфины! Что может быть лучше встречи с этими замечательными ребятами. Сашка знал, что дельфины любят плыть перед самым носом корабля, буквально в метре от форштевня. Немного свесившись за борт, он заглянул туда. Так и есть, – тройка дельфинов плыла перед судном. Он перебрался на самый нос и стал следить за этой группой. Вызывало восхищение то, как дельфины, не производя никаких заметных телодвижений, по очереди, а то и вместе выскакивая из воды, несутся перед самым форштевнем со скоростью судна, а это никак не меньше 20 км. в час. И было ясно, что они могут быстрее, и что для них это забава. Вот тройка отвалила в сторону и её место тут же заняла другая. «Как на аттракционах в парке, – подумал Сашка, – покатались и уступили место следующим. Движений не видно, потому что я смотрю на них сверху, а они извиваются в вертикальной плоскости, – сообразил он». Зрелище было великолепное, любоваться дельфинами можно было бесконечно, и Сашка любовался, ощущая некое интеллектуальное родство с этими хозяевами океана. «Вы царствуете в воде, а мы на суше, – он напряжением мозга пытался телепортировать дельфинам своё восхищение. – А что это вы тут делаете, посреди океана, куда бежите, вам тоже рыба нужна? – вдруг сверкнуло в Сашкиной голове». Где дельфины там и рыба, – это он знал наверняка.

Резко щёлкнул рупор громкоговорителя и над палубой прозвучало: «Гидроакустику поднят на мостик».

– А что я вам говорил, – крикнул Сашка дельфинам, сползая с планширя, – рыбалка начинается!

Он был совершенно уверен, зачем его зовут на мостик, – эхолот рисует рыбу. Сашка мигом взлетел на мостик и, поприветствовав вахту третьего помощника, тут же приник к эхолотной стойке. Лента эхолота, работавшего в поисковом режиме, была испещрена длинными чёрными линиями, а над серой полосой звукорассеивающего слоя на глубине 200 – 300 метров виднелась россыпь небольших тёмных пятен.

– Что это, Александр, – спросил третий штурман Коля, Сашкин ровесник, недавно закончивший мореходку.

– Сейчас разберёмся, – деловито ответил Сашка, включая гидролокатор, он уже понимал, что это за линии и пятна.

На мостике появился помощник капитана по науке Борис Борисович, серьёзный мужик лет сорока, за глаза называемый Бэ-Бэ. Следом, как бы ниоткуда, нарисовался капитан, он прогуливался по палубе мостика и тихо вошёл через открытую боковую дверь. Увидев боковым зрением капитана, Сашка, не отрывая взгляда от приборов, попросил его слегка сбавить ход, чтобы опустить «ногу» гидролокатора. Дождавшись нужного момента и опустив ПВУ, он включил звуковую индикацию. Из динамика раздались длинные мелодичные пискки. Именно эти звуки отображались на бумаге эхолота в виде чёрных полос.

– Дельфины переговариваются, – торжественно объявил Сашка собравшимся у стойки эхолота начальникам.

С минуту все молча слушали пение дельфинов.

– Николай, что у нас с глубиной, прервал молчание помощник по науке.

– По карте два километра и постепенно уменьшается, Борис Борисович. К вечеру подойдем к шельфу.

– Как Вы думаете, Сан-Саныч, что за рыба над звукорассеивающим слоем, – Бэ-Бэ внимательно рассматривал тёмные пятна на ленте эхолота.

– Похоже на анчоуса, Борис Борисыч, вряд ли скумбрия или ставрида появятся на таких глубинах. Контрольное траление нужно, чтобы определиться. Тралить будем, Геннадий Семёныч? – спросил Сашка капитана.

– Нет, ребята, мы и так, едрить-ага, сильно опаздываем. Нам надо побыстрее дойти до промысла, настроить трал, наловить рыбы, план никто, едрить-ага, не отменял, а потом, если что, вернёмся. Поднимай, Саша, «ногу», бежим в группу флота. Николай, едрить-ага, полный ход.

Капитан ушёл с мостика. Сашка поднял ПВУ в походное положение.

– Борис Борисович, как будем искать, в каком диапазоне глубин? – И Сашка и Бэ-Бэ понимали, что рыбные скопления могут появиться в любой момент, об этом говорило и появление дельфинов.

– А до какой глубины, Сан-Саныч, Вы можете гарантировать реальное обнаружение промысловых скоплений. – Бэ-Бэ был интеллигентнейший человек и со всеми обращался на Вы. Это немного резало Сашкин слух, и лишь упрощённое обращение «Сан-Саныч», давало основание считать, что Бэ-Бэ имеет к нему особое расположение.

– На полном ходу, при такой погоде, без ПВУ, максимум метров 600.

– Вот и ставь пока на шестьсот, всё равно мы глубже не сможем проверить, ваеров не хватит. Николай, Вы там не забывайте всё фиксировать в поисковом журнале, – обратился Бэ-Бэ к третьему помощнику.

– И про дельфинов писать, Борис Борисович? – весело откликнулся Третий.

– Обязательно, Николай, про дельфинов тоже надо. Где дельфины там и рыба. И про временные отметки на эхолотной ленте не забывайте.

– Ясно-понятно, – Третий пошел писать журнал.

Сашка поколдовал с настройками эхолота. Достигнув, как ему казалось, желаемого результата, потирая руки, он удовлетворённо изрёк: «Ловись рыбка, мала и велика!»

Близилась полночь, когда на краю горизонта среди низких звёзд стали появляться светлячки топовых огней, работающих в районе промысла наших судов. Сашка теперь постоянно торчал на мостике у своих эхолотов. Светлячки то появлялись, то исчезали, – это крупная океанская зыбь, не ощущаемая при тихой погоде, поднимала и опускала «Фламинго», показывая и пряча за волной огоньки кораблей, как манящую приманку. Через полчаса светлячки перестали исчезать, образовав некую светящуюся область над чёрной гладью океана. Сашка построил радиолокатор и попытался подсчитать, сколько на нём видно судов. Вышло больше двадцати. До постановки трала оставалось примерно два часа. Первое траление решено было провести по трассе, которую использовали промысловики. Это было обычной практикой поисковых судов, прибывающих в район промысла. Во-первых, трасса была более-менее безопасна для трала, во-вторых, можно было сравнить улов, и определить эффективность орудий лова.

В эфире на дежурном 16-м канале постоянно работающей УКВ радиостанции стали проскакивать разговоры:

– Судно у меня по курсу ответьте Орфею,

– Орфей, вы с тралом? Это Лев Толстой, до вас 20 кабельтовых. Моргаю прожектором.

– Так точно, Толстой, давай разойдёмся левыми бортами.

– Лира, ответьте Грибоедову.

– Грибоедов, Лира на приёме. Вася ты, пойдём на наш канал.

«Наш канал» означало переход на заранее оговорённый канал связи, которых на УКВ радиостанции было несколько десятков. Там, без посторонних ушей, можно было пообщаться на любую тему, в том числе обсудить ход рыбалки. «Наши каналы» часто подслушивались всеми желающими. Надо было только пощёлкать переключателем.

Сашка улыбнулся, припомнив как в радиорубке на первом в этом рейсе вечернем промысловом совете, перед своим выступлением капитан попросил Женю, если он матюгнётся, наступить ему на ногу. Сашка по возможности старался не пропускать этих радио совещаний, на которых капитаны ежедневно отчитываются о проделанной работе, – кто сколько наловил, обработал, заморозил, какие потребности в снабжении и т.д. На таких совещаниях можно было узнать много полезного для поиска – где и какая присутствует рыба, на каких глубинах, как облавливается. Когда дошла очередь до «Фламинго», капитан, слегка волнуясь (промсовет дело серьёзное), всё-таки ляпнул разочек своё «едрить-ага», за что сразу получил от Жени сигнал ногой, и дальше уже не оговаривался. В конце совета начальник промрайона, с некоторой ехидцей, и видимо желая поднять настроение участников, спросил: «А что это, Геннадий Семёнович, Вы такое сказали между слов – прибываем на промысел и прошу разрешения...».

– Саша, у тебя, едрить-ага, всё готово к тралению, «ИГЕК» проверил? – полушёпотом спросил подошедший к Сашке капитан. На мостике ночью не принято шуметь, чтобы не отвлекать вахту.

– Геннадий Семёныч, всё будет хорошо, или очень хорошо, у нас на трале два зонда, наш и японский. Главное, чтобы трал раскрылся как надо.

– Ну-ну, хорошо, посмотрим, у вас у всех, едрить-ага, верхнее образование, куда ни плюнь, одни инженера, что в машине, что на палубе, что на мосту. Про науку, вообще молчу, сколько у нас в конторе, едрить-ага, кандидатов, а Борис Борисыч? – помощник по науке тоже был на мостике.

– Человек десять наберётся, – буркнул Бэ-Бэ.

«Запрыбпромразведка» вместе с институтом «АтлантНИРО» в своей сфере деятельности действительно были самыми продвинутыми в стране организациями. Два высших учебных заведения Министерства Рыбного Хозяйства в Калининграде насытили наш флот квалифицированными специалистами, большинство из которых стремились попасть на Калининградские суда, которых насчитывалось больше пяти сотен единиц. База тралового флота (КБТФ) – более 200 кораблей, Пионерская база «Океанрыбфлот» (ПБОРФ) – около сотни, а ещё «Мортрансфлот», База рефрижераторного флота (КБРФ), несколько рыболовецких колхозов, посылающих свои корабли в далёкие моря, наконец, научно-промысловый флот «Запрыбпромразведки», это тоже полсотни кораблей, половина из которых крупнотоннажные. Всё это хозяйство требовало подготовленных людей, и они уже к середине 70-х на Калининградских судах были. Из пятидесяти выпускников Сашкиной группы радиоинженеров, добрая половина распределилась по Калининградским базам. В основном это были местные ребята или те, кто успели жениться на местных девчонках. Именно Калининградские организации «Запрыбпромразведка» и АтлантНИРО успешнее других занимались поиском и освоением биоресурсов на всей акватории Атлантического океана. Затем, когда страны одна за другой стали вводить двухсот мильные экономические зоны, вытесняя наши суда из традиционных районов промысла, калининградские разведчики пошли в Тихий Океан, где в юго-восточной его части за пределами двухсотмильной экономической зоны Чили и Перу нашли огромные запасы рыб и обеспечили работу нашего крупнотоннажного флота на много лет вперёд.

– Подошли к точке постановки трала, – доложил второй помощник, он уже давно сменил третьего.

– Так, ложимся на обратный курс, – скомандовал ему капитан, сбавляя ход на пульте управления главными двигателями. Затем, взяв микрофон спросил, – корма как меня слышно? – и дождавшись утвердительного ответа, он произнёс долгожданное – пошёл трал!

Сашка заспешил в кормовую рубку, оттуда было хорошо видно, как трал уходит в воду. Рулевой, который был уже там, включил пульт управления траловой лебёдкой, затем пульт небольшой лебёдки тралового зонда, стоящей на кормовом портале прямо над слипом, и приготовился к работе.

Вот, высвеченный люстрами палубного освещения, собранный в бесформенную кучу траловый мешок, медленно пополз, вытягиваемый тросом к началу слипа. Через несколько секунд, перевалив за край палубы, куча на слипе распалась под собственным весом, сработал глаголь-гак, освобождая конец мешка и тот, получив свободу, коснулся воды. Процесс пошёл. Оказавшись в воде, мешок потащил за собой остальную часть трала. В считанные секунды вслед за мешком исчезла в воде уложенная змейкой сетная часть, за ней канатная, загремели кухтыли верхней подборы. Ещё несколько секунд и весь трал оказался в воде, натянув как струны стальные кабели передней оснастки.

– Мостик, трал в воде. Майна помалу, – командует тралмастер рулевому в кормовой рубке.

Матрос-рулевой потихоньку начинает стравливать с барабанов лебёдки кабели передней оснастки трала. Вздогнули и поползли по палубе тяжёлые груза,

– Пошли груза, – докладывает тралмастер на мостик, а затем, подождав, когда груза уйдут со слипа, – груза в воде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.